

Р.Б. Хаджиев

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Резак Бек Хан Хаджиев

**Жизнь и смерть
генерала Корнилова**

«ВЕЧЕ»

1929

Хан Хаджиев Р.

Жизнь и смерть генерала Корнилова / Р. Хан Хаджиев —
«ВЕЧЕ», 1929 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-7843-7

Эта книга удивительным образом отличается от многих написанных про генерала Корнилова. Ее автор – Резак Бек Хан Хаджиев – на протяжении нескольких лет был близок к известному генералу и возглавлял его личный конвой из Текинского конного полка, сформированный из жителей Туркмении. С восточной прямоотой офицер Хан Хаджиев пишет о своем генерале – «Великом бояре», как называли Корнилова преданные ему всадники из Азии. Книга рассказывает о первых боях Добровольческой армии и трагической смерти генерала Л.Г. Корнилова.

ISBN 978-5-4484-7843-7

© Хан Хаджиев Р., 1929

© ВЕЧЕ, 1929

Содержание

Часть первая	6
Ахал	6
Текинский конный полк	10
Начало моей карьеры	14
Я в роли балетной танцовщицы	16
Офицеры	22
Мистул бояр, его лошадь и полярная звезда	24
Трехчасовые чай	26
Свободушка	28
Зыкач сердится	31
За палау (За пловом)	33
Присяга	36
Новые птицы, новые песни	39
Генерал Корнилов	41
На позицию!	44
Перед боем	46
Атака	48
Гостинцы ребятишкам	50
Дом смерти	52
Товарищи забавляются	54
Начало конца	56
В Каменец-Подольск	58
Нарушенная идиллия	60
Начало службы великому бояру	64
За обедом	66
«Кто это “мы”, прапорщик?»	72
Встреча народного героя	74
Прогулка	77
Время не терпит	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Резак Бек Хан Хаджиев

Жизнь и смерть генерала Корнилова

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Ахал

На месте бушевавших когда-то волн морских бушует сейчас огромное море песков. Это море тянется до Аму-Дарьи, захватывая части Хивы и Бухары, и другой стороной доходит до Афганистана и Персии. Это огромное песчаное пространство называется Ахалтекинским оазисом. Жители этих песков – текинцы, выброшенные беспощадными песчаными волнами к подножию гор, принуждены были вести здесь жалкое существование, полукочеевое и полуседлое. Со словом «оазис» невольно связывается представление о богатой растительности, воде, о райском уголке среди раскаленных песков. Ничего подобного в Ахалтекинском оазисе нет, и само слово «оазис», данное ему, звучит горькой иронией. Оазисом его с большой натяжкой можно было бы назвать, разве сравнивая с каракумской пустыней, где нет никакой растительности и даже мало-мальски хороших колодцев. И все же, несмотря на это, казалось бы, невозможное существование, среди этих песков когда-то, очевидно, цвела культурная жизнь, – об этом свидетельствуют редкие по красоте развалины мечетей, сохранившиеся в аулах Дуруне и Анау, которые насчитывают по шестьсот лет со времени своей постройки. Эти строения доказывают вкус и умение своих строителей. Палящие лучи солнца, переносные волны песков явились главной силой разрушения культуры этого оазиса, превратившей его в мертвое море песков. При виде этих печальных пустынь невольно задаешь себе вопрос, почему жители их не ищут места получше или не устраивают жизнь здесь более сносно? Но, разобравшись, ясно видишь, что к этому их принуждают естественные обстоятельства. Главным из них является то, что текинцев чистой расы как таковых не существует, ибо в населении оазиса смешалась кровь разных наций, а именно: хивинцев, узбеков, афганцев и персов.

Текинцы во многом напоминают запорожцев, так как их племя образовалось аналогично Запорожью. Как в Сечь со всех концов России бежали все, кому трудно в ней жилось, так и в Ахал бежали со всех мест Туркестана люди всех сословий. Все они предпочитали перенести какие угодно лишения жизни в пустыне, лишь бы отстоять свою личную независимость. Многие из этих беглецов погибли, не вынеся тяжелой борьбы с обстоятельствами, но оставшиеся в живых образовали сильное, закаленное и выносливое племя. Это-то племя благодаря тяжелым климатическим условиям не могло жить оседлой жизнью и принуждено было искать иные пути и средства к существованию. Само собой разумеется, что самыми легкими из них явились частые набеги на ближайших богатых соседей – персов, живущих оседлой жизнью. Все прибежавшие сюда в Ахал объединились в банды. Сначала эти банды не были организованы и не признавали власти одного общего начальника над всеми. От вступившего в банду требовалась лишь удаль во время набегов. Эта удаль и храбрость подчиняли банду своему обаянию и постепенно силою самих вещей такие храбрецы являлись начальниками банды. Их называли бахадурами, слагали в их честь песни, память о них сохранялась, переходя из поколения в поколение, и могилы их считались священными.

Разница между Запорожской Сечью и ахалтекинским племенем была та, что здесь не было войн за веру. Несмотря на то что все прибежавшие сюда были магометане, они не исповедовали какую-нибудь отдельную религию. Верили в Единого Аллаха – Хозяина вселенной и не фанатиками умирали в боях, не за религиозный символ, а ради добывания средств к существованию. Вторая разница между Запорожской Сечью и «Текинской Сечью» была та, что у запорожцев не допускалось присутствия женщин, и оно даже строго наказывалось, в то время как здесь присутствие женщины считалось прямо желательным. Если в первое время у текинцев не было женщин, то только потому, что длинные и тяжелые переходы по пескам были невоз-

можны для женщин. Но женщин они себе искали и с оружием в руках добывали жен для себя у соседей. С появлением семей и детей передвижение по пустыням становилось все труднее и труднее. Это обстоятельство принудило текинцев искать более оседлого образа жизни. Они набрасывались на персов, разрушали их города и села, смешивались с населением и наконец осели, образовав племя ахал-теке, что означает «молодое племя» или «новое племя» – название, которое за ним сохранилось до сего времени. Таким образом, с переселением текинцев на новые места каракумские пески опустели.

Поселившись недалеко от персов и обзаведясь семьями, текинцы волей-неволей должны были изменить свой прежний образ жизни. Многие из них стали заниматься скотоводством, но врожденная страсть к набегам все еще прочно жила среди них, да к тому же, несмотря на более оседлый образ жизни, текинец все еще был очень беден, и добыча, захватываемая в набеге, служила ему большой помощью в его хозяйстве.

Переменив свою прежнюю жизнь, казалось, на лучшую, текинец все-таки продолжал жить в довольно тяжелых условиях, непрерывно борясь с природой. Одним из упорных врагов текинца являлась вода, которая не хотела подчиниться его воле. Понимая огромное значение воды в своей жизни, текинец упорным тяжелым трудом в конце концов заставил ее подчиниться себе. Борьба с водой брала почти всю жизнь текинца. Из-за нее он мало обращал внимания на другие средства и силы природы. Подчинив воду себе, он в то же время сделался ее рабом, приспособляя свой образ жизни к ее причудам. Таким образом, тяжелая борьба за существование наложила на него своеобразный отпечаток, отличающий текинца от других народностей в Средней Азии.

Суровый климат заставил текинца приспособить к нему свой быт и одежду, довольно смешную для европейского взгляда. Представьте себе текинца, одетого в два ватных халата, опоясанного длинным и широким шерстяным поясом (кушак), в огромной папахе, обливающегося потом под шестидесятивосьмиградусном зное. В этом же самом платье вы можете увидеть текинца и во время самого свирепого мороза. Не имея никакого представления о гигиене или медицине, он инстинктом предохраняет себя от заболевания, нося в течение всех времен года свою странную одежду. Поступая иначе, текинец неминуемо погиб бы от резкой перемены климата. Этот же климат также заставил его придумать для себя тоже довольно странное для европейского взгляда жилище. Спасаясь от холода и в поисках пастбищ для своих животных, текинец на зиму уходит в пески, где холод чувствуется не так сильно. С началом же весны он возвращается опять к подножию гор для посева хлеба. Естественно, что при таком образе жизни ему нужно было придумать специальный дом, легко собирающийся и разбирающийся, а также легко перевозимый с одного места на другое. Этот дом называется кара-уй (кибитка или юрт). Остов юрта состоит из тонких жердей, сложенных в клетку, прикрепленных друг к другу крепкими ремешками; позволяющими быстро собрать и разобрать юрт в нужную минуту. Кара-уй обыкновенно бывает круглый. Деревянный остов кара-уя покрывается войлоком (кошмой), оставляя в центре крыши отверстие, которое можно открыть и закрыть при желании. Этот дом удобен тем, что летом он дает хорошую прохладу – стоит только приподнять стены кошмы. Зимой же, благодаря тем же кошмам, плотно закрывающим остов, кара-уй хорошо сохраняет и тепло.

Обстановка у текинца очень бедная, но зато поражает изобилие чудных ковров, развешанных по стенам и разостланных на сухом песке, служащем полом, столом и кроватью текинца. В некоторых семьях можно встретить сундуки, но эта мебель довольно редка, так как ее трудно перевозить. Обыкновенно же текинцы хранят и перевозят свои вещи в красивых больших и малых ковровых переметных сумах, которые легко приторачиваются к крупе лошади или к седлу верблюда. Посуды у текинца тоже очень мало. Кроме котла для приготовления пищи, медного сосуда для воды (тюнг), чайника для зеленого чая, который текинец очень любит, и деревянных чашек и ложек, – ничего нет. С ножом и вилкой текинец незнаком,

но каждый из них имеет чиникал (кожаный футляр), в котором хранится пиала для гёок-чая. Единственный нож, который текинец носит за поясом, служит ему во всех случаях жизни. Как видно, все имущество и дом текинца просты, несложны и для своей перевозки не отнимают много места и времени. Все имущество и дом свободно можно погрузить на двух верблюдов. Для того чтобы собрать и разобрать кибитку, нужно от четырех до шести часов. Обыкновенно эту работу выполняют женщины.

Пища текинца тоже проста и несложна, как его жилье. Ест текинец очень мало. Суп, чурек, зеленый чай и верблюжье молоко (как его называют текинцы, «чал») составляют обычную несложную еду текинца. Летом к ней прибавляют еще дыни, арбузы и фрукты. Мясо текинца ест очень редко – один-два раза в неделю, так как каждое животное для него дорого. О плитах и о каких-нибудь печах не может быть и речи. Чтобы приготовить себе пищу, текинец вырывает в земле яму с поддувалом по размеру котла. На дне этой ямы разводит огонь, а сверху наставляет котел. Вот и вся незатейливая печь текинца, называемая «очаком». Чурек тоже готовится очень просто: выкапывается яма глубиной в один аршин в виде горшка. Стены этой печки смазывают глиной, а в середине раскладывают огонь. Пока стенки печки накаляются, текинка готовится тесто – разводя муку с водой и солью. Обыкновенно, разостлав халат на землю и на нем приготовив тесто, она налепляет тесто на накалившиеся тем временем стенки печки. Сверху печку закрывает, и через десять минут чурек готов. В песках во время передвижения, где невозможно выкопать яму, хлеб пекут следующим образом. На песке раскладывается костер из саксаула. Когда песок накален, кладут на него лепешки, прикрыв сверху золой.

Громадная площадь Закаспийской области страдает недостатком воды. Орошается она только тремя маленькими речонками: Кушкой, Тедженем и Мургабом. Ясно – воды этих трех речонек не могли удовлетворить нужды текинца, поэтому-то он принужден был всяческими способами разыскивать воду и подчинять ее себе. Дикий кочевник, незнакомый со строительным искусством, не зная о существовании каких-либо инструментов, выстроил замечательное строение, так называемый «кяриз» – водопровод, который до сих пор вызывает невольное чувство удивления. Если поблизости не было воды, то текинец отыскивал озеро или источник и из него проводил подземные галереи к тому месту, где была нужна вода, не считаясь с тем, какое расстояние при этом нужно было преодолеть. Эти галереи делались для того, чтобы верхний слой земли, прикрывая собой воду, охранял ее от палящих лучей солнца, испарения и засорений. Кяризы стоили огромного труда, не говоря о деньгах и человеческих жизнях. Поэтому-то текинцы следят строжайше за их чистотой.

Делаются кяризы таким образом. У найденного источника выкапывается колодец глубиной пятнадцать саженей и больше. От этого большого колодца идет ряд других, все мельче и мельче, но все же самый мелкий колодец не бывает мельче пяти саженей. Таким образом текинец, сделав подземное искусственное русло, подводит воду, куда ему нужно.

Есть другого рода кяриз, но для устройства его требуются подземные воды. Чтобы построить эти сооружения, нужно было обладать большой находчивостью и умом.

Там, где не видно воды, текинец каким-то свойственным ему чутьем находил подземную воду, часто на довольно значительной глубине.

Такая бесперывная жизненная борьба наложила известный отпечаток на все существо текинца, выделяя его от других соседних племен. В особенности эта разница заметна во взгляде его на женщин. Текинские женщины ничуть не похожи на других мусульманских женщин, которые проводят всю свою жизнь в гареме, но они не похожи также и на европейских женщин, так как текинки разделяют все тяжести жизни и работы с мужьями наравне. Она равноправна. Сама жизнь не дала текинцу поставить жену в затворничество гарема, так как он один не мог бы справиться с тяжелой работой дня, а сделать из нее работницу, свалив всю эту работу только на нее, он тоже не мог, ибо за свою лень и бездействие он непременно и дорого бы поплатился.

Климатические условия страны, например, не дают возможности задерживать уборку хлеба дольше положенного времени, так как хлеб легко может погибнуть. Муж и жена идут работать совместно, а совместный труд уравнивает оба пола. После уборки хлеба наступало время, когда текинцу надо было идти в набег. Группу людей во главе с вождем, идущих в набег, называли аламаном. В аламан текинец шел, оставив дом и хозяйство свое жене и будучи уверен, что, когда он вернется, все будет на своем месте. Будь его жена не равноправным членом семьи и изнеженным существом, она не сохранила бы при этом хозяйство, и оно пришло бы в упадок. Женщины вступают и в бой в случае нападения на аул в отсутствие их мужей. Вечная борьба с природой и окружающими племенами послужила главной причиной развития физических сил текинок.

Бесперывная борьба, набег и переходы с места на место не могли дать текинцу особенно глубокое религиозное воспитание. Холодное отношение текинцев к религии освободило их от некоторых мусульманских обрядов. Например, они до сих пор придерживаются обычая красть себе жену и платить «калынг» (калым), который, кстати сказать, платится с каждым годом все меньше и меньше.

В борьбе с водой, в земледельческих работах главная доля труда выполняется женщинами.

Несмотря на непрерывный и тяжелый труд, все плоды его не могли достаточно удовлетворить текинца. Недостатки своего хозяйства он пополнял набегами на своих соседей: персов, бухарцев, хивинцев. Собственно для этого и складывалась организация банд. Во главе таких банд – аламанов – являются Ханы, или Сердары, которые и ведут их в набег. Ханы выбирались из тех текинцев, которые выделялись исключительной храбростью и умом. Такой Хан никогда не принуждал своей волей аламан идти в набег. Объявление похода происходило так. Вождь перед своей кибиткой втыкал в землю пик с конским хвостом, давая знать этим, что он готов к набегу. Желаящие идти с ним втыкали свои пики рядом. Когда по числу пик Сердар видел, что желающих идти с ним довольно, аламан был готов и шли в набег. Чем больше мог привлечь к себе людей Сердар, тем популярнее он был среди текинцев. При аламани не было ни кухонь, ни обоза. В большинстве случаев еда джигитов состояла из жареных зерен пшеницы или муки, разведенной водой, т. е. «чурека» и гёок-чая.

Аламан, внезапно врываясь в села и города и нередко разбивая многочисленную армию персов, уводил жителей как рабов для продажи в Хиву и Бухару или оставлял их у себя для тяжелой работы. Очень часто пограничные персидские крепости превращались аламаном в развалины, и эти развалины стоят до сих пор. Эти частые набег воспитали в текинце храбрость и предприимчивость, вселив уверенность в его непобедимость. Это дорого обошлось и русским при покорении Ахала, а после так пригодилось Великому бояру.

Спустя почти полвека потомки этих храбрецов, бывших врагов России, по одному зову Великого бояра, сказавшего им, что Россия в опасности и что надо выручать ее, пошли за ним безропотно, перенося все тяжести и также безропотно гибли в бою с предателями России – в то время, когда многие и многие миллионы русской интеллигенции занимались словоговорением и оставались глухи к призыву Великого бояра.

Хотя, быть может, большинству читателей и не будет интересен мой рассказ о каком-то Текинском конном полку, о существовании которого абсолютно неизвестно среди 75 % русской интеллигенции, все же я хочу писать об этом. Думаю, что всякий мыслящий человек найдет это мое желание естественным, так как описание организации и жизни Текинского полка с исторической точки зрения есть не что иное, как изображение процесса, которым сложилась вооруженная сила из бывших врагов России, которые, поняв тяжелое положение ее, первые пошли на ее защиту и честно исполнили свой долг до конца.

Текинский конный полк

Текинский конный полк, о котором я собираюсь писать, совершенно не был похож на существовавшие в России полки, так как его традиция, жизнь и дисциплина были совершенно отличны. Говоря правду, Текинскому полку больше подходит название «аламан». В этот-то аламан я впервые попал в Рашкове 15 октября 1916 года на Австрийском фронте, куда он отошел на отдых. Разница между прежним аламаном и теперешним заключалась в том, что теперь текинец переменил свою деревянную пику на стальную, к неразлучному ятагану прибавилась еще пятизарядная винтовка, пулемет, и он привык к дисциплине.

Раньше текинец шел в бой, как я выше говорил, для поддержания своего существования, теперь же он шел как спортсмен из любви к сильным ощущениям, а главным образом и потому, что его Сердар сказал: «Россия в опасности».

До начала Великой войны Текинского полка не было, а был Туркменский дивизион, развернутый наспех в полк и только на фронте переименованный Государем Императором в Текинский конный полк в знак особого Высочайшего внимания. Дивизион – основное ядро развернувшегося полка, был хорошо дисциплинирован. Эта дисциплина, чисто военная, поддерживалась вековой дисциплиной племени, предписывавшей джигитам подчиняться своему вождю – Сердару, уважать личность старшего и не делать того, что не позволяет совесть. Сюда шли люди не по принуждению, а по собственному желанию. Причиной добровольчества послужило соприкосновение текинца с русскими – кочевника с культурой. Молодого джигита всегда тянула какая-то сила, страсть, я думаю, перешедшая от отцов, к седлу и лошади, приключениям, удали, храбрости. Он не мог свыкнуться с мыслью остаться всю жизнь мирным земледельцем. Его нрав и инстинкт жаждали другого.

В дивизион поступали люди, искавшие подвига и удали, поклонники храбрых, жаждавшие приключений и, наконец, желавшие научиться военному искусству. Это были сыновья ханов, сердаров, знатных туркмен, которые хотели продолжать удалую жизнь отцов. Это желание впиталось в них с молоком матери. Желавших поступить в дивизион было много, но правительство их не хотело принимать, ибо требуемое число людей было пополнено, а вместе с тем еще существовало опасение вооружать сынов Ахала, история покорения которого была еще свежа в памяти. «Дать оружие легко, а отнять будет трудно! Бог с ними! С них достаточно и одного дивизиона. У нас своих достаточно!» – рассуждали правители. Таким образом, за бортом осталось много текинцев, желавших драться в рядах русской армии.

Было бы ошибочно думать, что текинец шел в ряды армии потому, что он любил Россию или Царя, или за веру. Ни о России, ни о Царе туркмену никто ничего не говорил и никогда не старался научить его любить их. Особенно религиозным туркмен тоже никогда не был. Пошли туркмены потому, что Сердар их, честный и храбрый русский офицер, приказал им идти за ним, сказав: «Россия в опасности, нам надо идти и бороться в рядах русской армии за ее честь». И туркмены пошли за своим Сердаром, сыном знаменитого героя-патриота и защитника Гёок-Тепе Дыкма Сердара, штаб-ротмистром Ураз Сердаром. Джигиты сгруппировались, как в старое доброе время, вокруг Сердара по вековой традиции, видя в нем двух Сердаров: первого – сына их героя, такого же текинца, как они сами, простого и доступного, и второго – русского офицера – помощника командира полка, русского Сердара.

Неся в строю беспрекословно всю тяжесть военной службы, они смотрели на Сердара как на существо высшее, которому они, безусловно, верили и подчинялись, но в это же время Сердар был русский. После же занятий они отпраплялись к Сердару уже запросто пить гёокчай, есть плов или просто побеседовать. И в это же время Сердар оставался для них тем же высшим существом, которого они даже и не подумали бы послушаться, – он был и друг, и отец джигитов, и свой туркмен.

Военную дисциплину текинец быстро усвоил и привык к ней, но сухая шагистика и пичканье сухими уставами никогда ему не нравились, так как он их не понимал, не зная русского языка.

– Хаджи Ага, почему нас Эргарт пичкает уставами и этой шагистикой? Воевать мы умеем и без устава. Если джигиту суждено умереть, то его никакой устав не спасет. Для войны нужны храбрость, смелость и умение использовать их. Война высшая школа и наилучший устав для джигита. У нас есть свой устав – устав Сердара, где говорится: «Если джигит краснеет, то пусть умрет. Не храбрый, не сметливый джигит похож на женщину. Пеший туркмен – жалкий туркмен, а на аргамаке он хозяин врага, – ни пуля его не догонит, ни шашка не срубит», – говорили мне как-то в полку джигиты.

Началась Великая война народов. Сердар тогда был в чине штаб-ротмистра, и ему было приказано собрать джигитов в полк и вести их в бой вместе с командиром полковником Дроздовским.

– Командир полка полковник Дроздовский будет твоим Сердаром, а ты Сердаром полка, – сказали ему.

Он собрал быстро текинцев, но собрал их не так, как должен был бы собрать, т. е. с выбором. Это ему не позволило время. Поэтому сюда шли старые и малые, хорошие и плохие, храбрые и трусы, с корыстной целью и как любители подвигов, как во времена Кёр-Оглы (легендарный туркменский герой). Этот новоиспеченный и разнообразный по своему составу и возрасту, не подготовленный к военному делу, т. к. на это не было времени, но спаянный крепко духом вокруг Сердара полк-аламан прибыл на фронт, кажется, в сентябре 1914 года. Несмотря на все эти недостатки, полк одержал ряд блестящих побед, и имя его выплыло на поверхность и заставило говорить о себе. Стали рассказывать о нем легенды, писать в газетах и восхищаться.

К сожалению, как это ни больно, должен сказать, что текинцы могли бы сделать много больше сделанного, и этот полк легко можно было бы развернуть в бригаду и дивизию, если бы в полку был лучший состав опытных хороших русских офицеров. За исключением некоторых, как то: командира полка полковника Сергея Петровича Зыкова (полковник Дроздовский, после первых же боев получив чин генерала, перевелся в тыл и, приобретя землю около Астрабада, близ персидской границы, предался мирной земледельческой жизни. Он был инвалид Русско-японской войны, ординарец генерала Мищенко. Пришла революция, и в первые дни ее генерала убили туркмены), штаб-ротмистра Натензона, командира 2-го эскадрона, образцового и любимого в полку поручика Раевского и ротмистра Бек Угарова, командира 3-го эскадрона, все остальные были неопытны и не подходящи. Русские офицеры, за исключением перечисленных, не интересовались жизнью джигитов и их психологией, не старались изучить туркменский язык, чтобы подойти к туркмену и ближе узнать его, и поэтому-то они были чужды составу полка. И вышеперечисленные офицеры тоже не знали языка, но держали себя с туркменами так, что джигиты их очень любили и уважали. Два самых старых русских офицера полка, подполковник Эргарт и Григорьев, прослужившие в полку довольно долгие годы, не умели также говорить по-туркменски, очень дурно обращались как с офицерами туркменами, так и джигитами полка. Эти два подполковника во многом помогли плохому составу офицеров полка, т. к. они руководили выбором их. Эргарт и Григорьев, выдавая себя за авторитетных лиц полка и любимцев джигитов, первоначально взялись было при вступлении в должность Зыкова влиять на него, как влияли до него на Дроздовского, при выборе офицеров и при производстве текинцев в офицерские чины, но дальновидный и весьма опытный Зыков сразу их понял. Эти два человека страшно противились поступлению в полк опытных кадровых офицеров, несмотря на то, что желающих этого рода было много, но Эргарт и Григорьев предпочитали иметь прапорщиков из студентов, помещиков или же произведенных из вольноопределяющихся. Хотели они иметь таких подчиненных потому, что на них легче было покрикивать, да и вышибить их из полка, при желании, в любую минуту было много легче, чем кадровых

офицеров. Эти прапорщики в свою очередь постепенно начали выписывать из других полков своих братьев, дядей и племянников, устраивая их кого в обоз, кого вольноопределяющимся, производя их в унтер-офицеры, в команду связи. Вся эта семья говорила: «Мы – текинцы!» И у неопытных людей (а кто в России знал что-либо о текинцах?) они сходили за текинцев.

Между прочим, я помню такой случай. Перед отъездом на Московское совещание я потребовал из полка двух офицеров туркмен мне в помощники. Говоривший со мною по телефону полковой адъютант поручик Нейдгарт мне заметил: «Что вы, голубчик, всегда требуете к себе офицеров туркмен и никого из русских? Я вам pošлю русских офицеров!» И против моего желания он прислал ко мне поручика Рененкампфа. По приезде в Москву все текинцы по моему указанию заняли места на перроне вокзала. Поручик Рененкампф в одежде текинца тоже занял свое место. Во время оваций на вокзале при встрече генерала Корнилова сотрудник «Русского Слова» Лембич, подойдя к Рененкампфу, спросил: «Вы, поручик, текинец?» «Я офицер Текинского полка», – ответил Рененкампф. – «Вот что, голубчик, идите и перемените ваше платье, оно вам не идет. Вы портите впечатление, производимое конвоем».

Пришлому элементу в полку жилось хорошо. Что бы они ни захотели, от текинца только и был всегда один ответ: «Буюр Ага – прикажи!»

Постепенно все эти ловкие люди быстро получали производства и ордена: Анны, Владимира, золотое оружие и Георгия за работу текинцев, в то время когда боевые, полные георгиевские кавалеры-джигиты не смели думать о производстве, а офицеры-текинцы, несмотря на двадцать пять лет службы (с образования дивизиона), на их храбрость, опыт и способность, дальше прапорщика не шли.

– Разве в полку мало своих офицеров? Почему нам хода вперед нет, а они выписывают офицеров извне? – говорили обиженные текинцы.

Подполковник Эргарт, как только получил Георгиевское оружие, отстранился совершенно от полка – не только от джигитов, мусульман-офицеров, но и русских. Григорьев, получив чин полковника и Владимира, как и Эргарт, после одного боя, ушел в обоз и там устроился по-семейному. Когда подчиненные им по службе туркмены поднимали вопрос о своем производстве, то оба полковника бросались на них, раздраженно крича:

– Как ты смеешь? (Они всем джигитам и туркменам-офицерам говорили «ты», совершенно не стесняясь, что они разговаривают с такими же офицерами, как они сами.) Когда придет время, мы сами знаем! Не вам нас учить! Вон!

После таких ответов текинцы приходили к своему отцу-Сердару. Сердар, слушая их, глубоко вздыхал, ходя по комнате из угла в угол, погруженный в тяжелую думу. Вооружать джигитов против их же начальников, своих товарищей по оружию, он не мог, но защищать заслуженного, имеющего право в своем требовании текинца он тоже не мог и, успокаивая обиженного, он лишь обещал хлопотать. Все его слова и советы полковникам Григорьеву и Эргарту обратить внимание на своих джигитов пропадали даром, так как эти господа смотрели на Сердара такими же глазами, как на любого из джигитов. Потеряв надежду на них, Сердар сам начал хлопотать и ходатайствовать перед командиром полка об удовлетворении требований обиженных джигитов и офицеров-текинцев. Полковник Зыков очень сочувствовал и помогал, как отец полка, сердечно и искренно, в производстве джигитов, и такие случаи полковники Эргарт и Григорьев принимали за пощечину себе и старались вести интриги против Сердара, беспрерывно сплетничая. Пока полковник Зыков был командиром полка, все знали свои места, и если существовали сплетни, то не шли дальше стен дома полковников Эргарта и Григорьева. Как только вступил в командование полком полковник Кюгельген, сплетни и разговоры в полку пошли с такой силой, что полк раскололся на группы. Между русскими офицерами и туркменами появились признаки острой вражды, но об этом дальше.

– Сколько бы ты ни служил, как бы ни был ты храбр и умен, все равно нашему брату-туркмену нет хода! – говорили, видя такое отношение к себе и к своему Сердару, лучшие

джигиты полка и предпочитали уходить, при случаях, к себе в аул. Эти джигиты, приезжая к себе в Ахал, рассказывали правду о полку. Ясно – желающих с добрыми намерениями поступить в полк становилось все меньше. На место хороших, опытных и храбрых джигитов приходили те, кому жилось в Ахале тяжело за темное прошлое или нечего было делать, а некоторые просто поступали в полк из коммерческих соображений. Они посылали в Ахал оружие, патроны, револьверы, бомбы, а там их родственники излишек продавали в Персию, иомудам, в Афганистан за хорошие деньги. Сердар обо всем этом знал, писал в Ахал представителям туркмен, хлопотал и старался, как мог, сохранить полк и довести его, если можно, благополучно на родину – в Ахал. Новый «материал», посылаемый запасным эскадроном из Асхабада, был совершенно неграмотен в военном деле. Большинство посылавшихся не знали, для чего существует прицельная рамка на винтовке. Лошади тоже были не те, что раньше. Они были худые и дикие. Отправляя необученных людей на фронт, начальник запасного эскадрона штаб-ротмистр Аvezбаев говорил джигитам:

– Поезжайте в полк! Он сейчас стоит на отдыхе. Вас там научат!

Таким образом, к концу 1916 года и к началу 1917-го от славного Текинского конного полка и следа не осталось: состав его был на $\frac{3}{4}$ пополнен из новых и совсем иных элементов.

Начало моей карьеры

По окончании Тверского кавалерийского училища в 1916 году 1 октября, я вышел в Нерчинский казачий полк, который в это время был в боях на Румынском фронте. Приехав в полк, я был очень любезно принят командиром его, войсковым старшиной бароном Петром Николаевичем Врангелем, который сообщил мне, что я переведен в Текинский конный полк. Он пожалел, что я не остаюсь в его полку, т. к. ему было бы очень приятно иметь первого офицера-хивинца под его командой.

Пообедав с командиром полка, проведя приятный вечер в его обществе и переночевав в его квартире, я на другое утро из г. Радауцы отправился в Текинский полк. Кстати, скажу, что мой перевод в Текинский полк произошел следующим образом. Перед самым окончанием Тверского кавалерийского училища сюда случайным проездом из Петрограда, где он лечился от полученной раны во время боя в 1915 году, приехал командир Текинского полка полковник Сергей Петрович Зыков – воспитанник этого училища. Узнав во время разговора с чинами училища о моем нахождении здесь, он пожелал видеть меня. Дежурный офицер ротмистр Стронский, вызвав меня в дежурную комнату, представил Зыкову. Встав с места и взяв меня за плечи, глядя в мои глаза, он начал расспрашивать, откуда, как попал я в училище и куда собираюсь (в какой полк) я выйти? Узнав, что я собираюсь выйти в Нерчинский казачий полк и что все в этом направлении мною закончено, он сказал:

– Ничего! Переведетесь ко мне в полк. Я буду очень рад и постараюсь сделать из вас хорошего офицера. Напишите сейчас же, пока я здесь, рапорт на мое имя о своем согласии, а я положу резолюцию.

Я так и сделал.

«Тебе не все ли равно, сын мой, выйти в казачий или текинский полк, если ты решил пожертвовать свою жизнь за родину? Смотри только, будь честным и хорошим воином, где бы ты ни находился. Я ничего не имею, если ты решил выйти в Текинский кав. полк, т. к. с кочевниками много хорошего связано в моей жизни. Я знаю их и люблю. Там служат сыновья моих лучших друзей сын Дыкма Сердара Ураз Сердар, внук Аман Гельди Геля и др. Передай им, что ты сын старого Бай Хана и я надеюсь, что они поддержат тебя своими добрыми советами и делом, когда это будет нужно, как поддерживали их предки меня», – писал мне отец, когда я просил его совета.

Приехал я в полк в конце октября и после короткой беседы с командиром полка я вынес хорошее впечатление. Зыков пользовался любовью всех джигитов полка. Во время обеда в день моего приезда Зыков меня назначил младшим офицером в 4-й эскадрон, командиром которого был старый подполковник Ураз Сердар. Спустя неделю командир полка получил телеграмму от моего отца с просьбой отпустить меня в Хиву, чтобы я мог получить отцовское благословение перед боем. Так как полк должен был стоять в Рашкове на отдыхе еще два-три месяца, просьба моего отца была уважена, и я уехал в Петро-Александровск.

Путешествие мое было очень тяжелое и чуть не стоило мне жизни. Желая сократить путь, я от Чарджуя до Петро-Александровска спустился в маленькой лодке по Аму-Дарье. Был ноябрь. Начался ледоход, и я чудом спасся от смерти. За все лишения в тяжелой 28-дневной дороге я был вознагражден теплым и сердечным приемом в Петро-Александровске как от русского, так и от мусульманского населения города. После благодарственного молебствия в мечети я с отцом отправился в Хиву для представления Хану Хивинскому Сеиду Асфендиару.

Нечего и говорить, что мое появление во дворце в форме русского офицера произвело на сановников потрясающее впечатление. Хан же, увидев меня, заявил, что я больше в Россию не поеду и должен остаться с ним, чтобы приготовить армию против иомудов.

– Русский Царь подарил нам в 1912 году две пушки, но мы с ними не умеем обращаться, несмотря на то, что мои нукэри (солдаты) усиленно занимались с привезшим их мне капитаном Ибрагим-беком Умидовым, который нас ничему не научил, а ты должен научить нас. Я назначу тебя военным министром при себе, – говорил Хан.

– Я, поев русский хлеб и будучи русским офицером, не имею права в такие тяжелые минуты для родины оставаться в тылу, и это для Хивы большая честь дать своего сына на защиту России, нашей второй родины. Если я буду убит за нее, то это будет еще большая честь для моей маленькой родины Хивы! – ответил я.

Видя бесполезность дальнейших настояний, Хан уступил моим доводам. На другой день я выехал в Петро-Александровск. Побыв дома четыре дня, я пустился в обратный путь – на фронт.

Перед самым моим отъездом отец, который был очень религиозным человеком, пожелал повести меня к одному старцу, который должен был благословить меня в путь. Когда мы пришли к нему, он благословил меня и предсказал, что я не буду убит в боях. После я буду очень близок к одному великому человеку и вместе с ним буду подвергаться большим опасностям, но все-таки останусь жив и через некоторое время, возвратившись в Хиву, я буду играть в ней роль. На вопрос моего отца, увидит ли он меня снова, он не пожелал ответить. Я отнесся к его предсказанию очень недоверчиво и прямо от него отправился в обратный путь. Живя сейчас в Мексике на положении чернорабочего, я бы с удовольствием отказался от всякой большой роли в будущей Хиве, если бы мне тот же старец мог сейчас предсказать, когда я буду зарабатывать такую сумму денег, что смогу покупать два раза в неделю мясо для моей семьи.

Я в роли балетной танцовщицы

Была середина января 1917 года. Возвращаясь из Хивы, я прибыл в г. Коломею – большой железнодорожный узел на Австрийском фронте. Тотчас же я отправился к коменданту города с целью узнать о местонахождении Текинского конного полка. Комендант этот был очень старый полковник, прослуживший, как я узнал потом, в этой должности в Коломее около семи месяцев.

– Какого вы полка, подпоручик? – спросил грозный полковник после предъявления мною всех нужных в этом случае бумаг.

– Текинского конного, господин полковник! – ответил я.

– Такого полка в этом районе у меня не имеется. Откуда и кто направил вас сюда? – опять задал он вопрос.

Я показал предписание, данное мне Киевским комендантом, направиться в распоряжение коменданта в город Коломею. Он вызвал адъютанта, который после долгих поисков ответил, что этот полк находится около Черновиц, и просил ехать туда и узнать в штабе армии. Каково было мое изумление – узнать о таком неприятном для меня сюрпризе! Снова представилась мне давка в вагонах, грязь и беспорядки на железных дорогах. В особенности мне это не улыбалось после и без того долгого месячного и безостановочного путешествия из Хивы до Коломеи. Что же делать? Проклиная все на свете, я вышел из комендантского управления, направляясь на вокзал, чтобы ехать в Черновицы. Нагрузив на себя и на одного носильщика свои вьюки, я отправился на вокзал. Не успел я сделать и ста шагов, как, словно из-под земли, выросла предо мной знакомая фигура туркмена, сидевшая на статном сером жеребце. При виде его телпека, который, казалось, был в два раза больше его самого, я чуть не бросился к нему в объятия, чтобы расцеловать его.

– Эй, яхши джигит, бяри гял! (Эй, добрый молодец, иди сюда!) – крикнул я, бросив вьюки на тротуар улицы.

Гордый джигит, слегка обернув голову в мою сторону и почтительно отдав мне честь, подъехал ко мне.

– Опустит руку и скажи мне, где стоит наш полк? – спросил я его по-туркменски.

– Здесь недалеко, Ага! – был ответ.

– Что ты здесь делаешь и если ты не занят, то покажи мне дорогу в полк! – попросил я его.

– Сен ким сян, Ага? (Ты кто будешь?) – задал он мне вопрос, удивленный тем, что я чисто говорю по-туркменски, и узнав, что я офицер его полка, сразу слез с коня и предложил его мне, а вещи обещал доставить в полк.

Узнав из разговора с ним, что сейчас в Коломее находятся джигиты, приехавшие для приема сена, я приказал прислать ко мне одного из них. Туркмен поскакал.

Не прошло и десяти минут, как туркмен вошел в кафе, где я сидел за чашкой кофе.

– Джигит здесь! Ждет тебя, Ага! – доложил он очень вежливо, подойдя ко мне.

На мой вопрос, как он отыскал меня, он ответил, опустив голову вниз и добродушно улыбаясь.

– Эй, Ага, туркмен туркмена по нюху находит. Разве ты не знаешь нас, если ты родился в Азии?

Через полчаса я с новопроставленным джигитом, сев на коней, отправились в полк из Коломеи в местечко Пичинежин, куда он успел перейти на стоянку после моего отъезда из Рашкова в Хиву. Пичинежин находился от Коломеи в восьми верстах.

День клонился к вечеру. Морозило. Растоптанный по широкому великолепному шоссе снег хрустел под копытами лошадей. Как только мы подъехали к мосту, нас остановил сол-

дат-часовой, требуя пропуска. Но не успел он подойти к нам, как мой жеребец, став не дыбы, хотел укусить солдата за голову.

– Эй, какой дьявол злой! Как сам азиат! – крикнул солдат, бросаясь в сторону от испуга. Мы проехали.

– Как тебя зовут и подъезжай поближе ко мне, – крикнул я сзади ехавшему джигиту.

– Балуюр, Ага! (Слушаю!) – послышался голос его, и тотчас же крупной рысью подъехал он, корчась от холода в одной шинелишке.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Ишан, Ага, – ответил тот.

– Сколько тебе лет и из какого аула? – расспрашивал я, вызывая на разговор.

– Из Арчманя и мне сорок пять лет, – был ответ.

– Ишан батыр, рассказывай мне что-нибудь, чтобы сократить путь. Режь дорогу (по туркменскому обычаю), – сказал я.

– Эй, Ага, какой я батыр? Да, вообще, есть ли теперь батыри, когда есть пулемет-ага (господин пулемет), – ответил Ишан и, подумав немного, добавил: – Хотя, Ага, у нас в полку есть несколько человек, которых можно называть батырями.

– А кто такие они? – поинтересовался я.

– Вот, например, сам пёлкендэк (полковник) Зыкоу бояр, Курбан Кулы, Беляк батыр, Баба Хан, Сердар Ага, Мистул бояр!

– В чем же заключается их бахадурство, Ишан? – спросил я.

– Как в чем, Ага! Они воистину батыри этого времени. Вот в прошлом году Зыкоу бояр нас повел в атаку на немецкую и австрийскую пехоту. Нас было двести человек, а их было несколько тысяч.

– Как это было? Расскажи, Ишан! – заинтересовался я.

– А это произошло так, – начал Ишан. – В прошлом, т. е. 1915 году, 28 мая под Черными Потоками, на Австрийском фронте, шел горячий бой. Нас позвали на помощь, и мы пошли. Командир корпуса засмеялся, увидев нас, и спросил своего начальника штаба, зачем к нему прислали таких оболтусов? Зыкоу бояр, услышав это, взбесился и, обращаясь к нам, сказал:

– Туркмены! Я не хочу, чтобы над моими славными туркменами смеялись! Я беру на себя почин, поведя вас в бой. Пусть эти господа узнают, что вы собой представляете.

С этими словами он выскочил вперед и бросился в атаку под убийственным огнем немецких орудий и пулеметов. Первой же пулей он был ранен и упал. Не желая выйти из строя, Зыкау бояр все же остался с полком, руководя боем до его окончания.

Сердар Ага, врезавшись в гущу неприятеля один, во время рубки сломал свой ятаган. «Рублю, рублю, а эта сволочь все не падает», – кричит он, размахивая сломанным ятаганом над бегущими австрийцами. Я, увидев сломанный ятаган, остановил Сердара. Тогда он, будучи в азарте, с одной нагайкой обезоружил кучу австрийцев во главе с их офицером.

Курбан Ага, в одно утро во время разведки, окруженный разъездом австрийцев, потерял свою лошадь, которая была убита во время перестрелки. Положение наше было весьма тяжелое. Нас было двенадцать человек, а австрийцев было пятьдесят при пулемете. После перестрелки с боем нам пришлось проскочить через рогатку, которую успел поставить нам враг сзади нас на шоссе. Курбан Ага остался около своей лошади, несмотря на наши просьбы как можно скорее выбраться отсюда, так как появилась пехота противника.

– Никуда я не пойду, пока не вытащу свой коржум, – сказал Курбан Ага и начал резать ятаганом ремни коржума, прикреплявшие его к крупу убитой лошади.

В это время его окружило восемь человек австрийцев с винтовками в руках. Кроме меня видели и другие, как он с Беляк батырем, зарубив четверых из них, вынес на своих плечах коржум.

– Почему же он не хотел бросить свой коржум, который в Ахале стоит не больше десяти рублей? – спросил я Ишана.

– И я об этом думал, Ага, но оказывается, дело в том, что в коржуме Курбан Аги хранилось восемьсот рублей казенных денег и он не хотел, чтобы они достались врагам.

– Вы знаете, какой у нас сплетник кяфур (безбожный) Эргарт. Я не хотел, чтобы он сказал, что я присвоил эти деньги себе. Я простой туркмен и лучше умру, чем дам повод сказать о себе дурное. Откуда я их получил, туда и должен сдать, дети мои, – говорил нам Курбан Ага.

– В чем же заключается подвиг Баба Хана? – спросил я.

– Баба Хан, это молодой, удалой, жизнерадостный и лихой джигит. Равного ему нет в мире.

– Кто он такой? – спросил я.

– Он, Ага, сын Серахского Хана. В прошлом году тоже во время разъезда один из его подчиненных джигитов потерял в бою свою папаху.

– Иди за своей папахой! Молодой джигит пусть лучше погибнет, чем вернется в полк без папахи, бросив ее врагу, – приказал ему Баба Хан.

Не успел джигит подъехать к тому месту, где лежала его папаху, как лошадь под ним была убита, и сам он был ранен. Тогда Баба Хан на своем аргамеке как стрела подлетел к тому месту, где лежала папаху, взял ее не слезая с лошади, а потом, подобрав раненого, под убийственным огнем врага, вернулся к нам. По возвращении его мы увидели, что лука его седла и ножны его ятагана были прострелены.

– А что собой представляет подполковник Эргарт? – перебил я Ишана.

– Он, Ага, кажется, немец и туркмен терпеть не может, и мы его не любим. Всех нас он ругает самыми последними словами. Я сначала служил в его эскадроне, а потом просил Сердар Агу, чтобы он ходатайствовал пред командиром полка перевести меня в 3-й эскадрон. Иной раз хочется срубить ему голову, но как только вспомнишь, что он старше меня, прощаешь ему, прося Аллаха, чтобы Он наказал его за меня.

– А кто еще в полку не любит туркмен?

– Эй, Ага, они все нас не любят. Вот сам приедешь и узнаешь очень скоро, как они обращаются с нами, да как они смотрят и держат наших туркмен-бойцов. Сердар Ага хочет скоро уехать к себе в Ахал. «Не могу служить дольше. Мне тяжело!» – говорит он.

Многие хорошие, старые опытные джигиты еще с дивизиона постепенно уходят. Если Сердар Ага уедет, то и мы все, джигиты, тоже не останемся здесь. Все поедем по домам, – сказал Ишан и глубоко вздохнул.

– Почему, Ишан, русские офицеры так плохо относятся к туркменам-офицерам и джигитам, когда мы все сыновья Ак-падишаха? – задал я вопрос.

– Ага, это верно, но почему-то они этого не знают и стараются не производить в офицеры наших заслуженных джигитов, а произведенных стараются как можно скорее выжить из полка и заменить их своими знакомыми или родственниками. Каждый раз приходится слышать, что русские офицеры ругают наших «необразованным чертом» и в собрании офицеров никому из них не дают слово вымолвить.

Все решают сами. А между тем за подвиги туркмен они получают первые знаки отличия, а за их спинами стараются прятать своих родных в качестве вольноопределяющихся, телефонистов, денщиков и т. д. Кто же виноват, Ага, в том, что туркмена ругают «необразованным чертом» в его же собственном доме? – закончил Ишан.

Я молчал. Погруженный в тяжелые думы, я не заметил, как мы подъехали к расположению полка. Я услышал ржание туркменских аргамеков еще издали, увидел их привязанных на длинных веревках и с нетерпением ожидающих корма. Жеребцы были покрыты толстыми войлочными попонами, как у нас в Хиве. Высокие и статные аргамеки своим аккуратным видом произвели на меня приятное впечатление. Невольно я ушел, мысленно, при виде этих лошадей

в мои родные степи, и мне живо представились туркменские аулы, их жизнь и как эти аргмаки там пасутся на свободе. Я вспомнил картины скачек.

– Ишан Ага, бу ким? (Кто это?) – вдруг раздался в темноте голос человека, переходившего шоссе к своей лошади с торбой на плече. Это был джигит полка.

– Эй, это бояр! К нам в полк едет.

– Как тебя зовут, бояр Ага? – спросил меня Ишан, который вспомнил об этом только теперь, когда его спросили.

– Орус му? (Русский?) – спросил опять тот же голос, в котором чувствовалась некоторая неприязнь.

– Нет, туркмен!

И, узнав, что я корнет Хаджиев, тотчас же Ишан обратился ко мне.

– Ага, про тебя мы слышали тогда, когда ты еще сюда не ехал. Про тебя говорил нам Сердар Ага. Ты, Ага, проси командира полка, чтобы он назначил тебя к нам, в 3-й эскадрон.

– А что говорил обо мне Ураз Сердар? – спросил я Ишана.

– Он рассказывал, что ты – первый хивинец, окончивший в России военное образование, и что твоего отца знает Сердар Ага, Гони бек и другие джигиты, отцы которых были друзьями с твоим отцом, ели когда-то хлеб-соль с одного достурхана (достурхан – скатерть) в Хиве.

– Хорошо, увидим! Если командир полка разрешит мне, то я с удовольствием войду в ваш эскадрон, – успокоил я моего спутника.

– Ты, Ага, говорят мулла-бояр (образованный), а потому было бы хорошо, чтобы ты служил в нашем эскадроне.

Я опять сказал Ишану, что как у него, так и у меня есть хозяин – командир полка, от которого и исходит то или иное приказание.

– Ай жёйлэ дир Ага, жёйлэ дир (Так, так господин), – соглашался Ишан и вдруг спросил меня, в какой эскадрон я желаю ехать. Мы уже были в центре расположения полка.

– Веди меня к Сердару Ага, – приказал я.

Чтобы узнать о местонахождении квартиры Сердара, Ишан остановился перед одной хатой. Ржание лошадей и знакомая туркменская речь ясно и отчетливо долетали до моих ушей. Вот хата вправо от дороги, а внутри ее, расположившись кругом, сидят туркмены при свете тускло горевшей лампы. Их лица веселые. Им кажется, что они так беспечно сидят у себя в ауле вокруг очага в кибитке. Один из них играл на домбре (балалайка), а другой пел песни о том, как туркмены жили раньше и умирали. Вот кто-то преподнес сосредоточенно, серьезно слушавшей группе знакомый мне чилим. Ишан вошел. Все сразу повернули свои головы в дверь к входившему Ишану, который сказал: «Ассалаум алейкум, джигитляр (Здравствуйте, джигиты)». – «Валейкум ассалам», – дружно ответили все и тотчас же песня и музыка прекратилась, так как Ишан был одет по-походному и при винтовке. Мне было ясно видно, что делалось в хате, ибо стекла были чисто-начисто вычищены керосином заботливыми руками хозяйки русинки (русины моют окна керосином, чтобы всегда держать их чистыми от льда).

– Нэмэ хабар, Ишан Ага? (Какие новости?) – обратились джигиты к Ишану.

– Ага, хивинец офицер приехал к нам и спрашивает квартиру Сердара, – услышал я через открытую дверь ответ Ишана, после того как он сделал 2–3 глотка зеленого чая. Все сразу встали на ноги и, набросив на себя кто бурку, кто шинель, вышли приветствовать меня.

– Ассалаум алейкум. Ассалаум алейкум! – послышались голоса приближающихся в темноте джигитов и не прошло минуты, как они окружили меня, пожимая мне руки.

– Аманлык му, аманлык му, Ага? (Здоров ли ты?) – говорили они.

– Ну, Ага, милости просим к нам вовнутрь. Палау готов, отведай с нами. Рады будем, – предложил мне кто-то, очевидно хозяин собрания. Поблагодарив их за радушный прием, за милое дружеское приглашение, я попросил их отложить мое посещение до другого раза, так

как, не представившись командиру и Ураз Сердару, не имею права это сделать, и, попросившись, поехал шагом, взяв от них джигита, который мог бы указать мне квартиру Сердара.

– Как наш Ахал поживает, Ага? Надеюсь, что ты через него проехал из Хивы, – спросил меня новый джигит.

– Ахал жив и здоров. Ждет от вас победы. Все девушки ждут вас; из них каждая мечтает выйти замуж за героя, – ответил я.

– Эй, Ага, давно бы мы «их» (немцев) уничтожили, если бы наш враг не был умнее нас. Мы, слава Аллаху, еще ни в одном бою не сплеховали, куда достигал наш ятаган, там не устоял враг. Но беда и горе в том, Ага, что он нами играет, как кошка с мышкой. С 1915 года мы в конной атаке не были. Все не подпускают к себе близко. У нас (у русских) если убьют одного солдата, то на его место подходит десять, а у наших врагов на место убитого солдата ставится пулемет. Таким образом, он вместо солдат весь фронт окутал проволокой, и, наставив отсюда до Берлина один за другим пулеметы и пушки, – сидит под землей, не подпуская нас к себе даже на двадцать верст. Аллах даст, вот сам убедишься, увидев всю технику нашего врага. Но не знаю, Ага, Ак-Падишах принимает ли меры против усовершенствований наших врагов, чтобы мы могли бороться с ним одинаковым оружием, – рассуждал он, идя впереди моей лошади.

Слушая рассуждение джигита, я вспомнил слова отца, говорившего: «Война – высшая школа для государства. Она открывает все силы и недостатки целого государства, отрезвляет подданных, заставляя их правильно мыслить и рассуждать и т. д.».

– Вот, Ага, Сердар живет здесь, – сказал джигит, остановившись перед одной хатой, стоявшей на правой стороне шоссе. Залаяла собака, лежавшая перед хатой. Вышел на лай собаки Назар – денщик ротмистра Арона, который, как помощник командира эскадрона, жил с Ураз Сердаром вместе в одной квартире.

– Кто? – спросил Назар.

– Я, корнет Хаджиев, бери вещи! Я к вам! – сказал я, отдав ему мой ручной чемоданчик и сам направляясь скорее в хату, так как на дворе стоял сильный мороз.

– Разрешите войти, – обратился я к офицерам, сидевшим за столом за бутылкой коньяка, сам оставаясь за порогом хаты. Офицеры взглянули на Арона (так как он был старшим офицером в эскадроне) и на меня.

– Да-с, да-с, зверь¹, рискните! – приказал, не оборачиваясь ко мне, ротмистр Арон.

Комната, в которой сидели офицеры, была маленькая, с двумя окнами, выходившими на шоссе, которое проходило тут же. Никакой особенной мебелировки в этой комнате не было, кроме стола и стульев, на которых сидели присутствующие.

В одном из углов комнаты лежал сверток на сене, оказавшийся, как я узнал потом, постелью Сердара, который за неимением кровати спал на полу.

– По сто прыжков на каждого из нас, – приказал Арон, как только я очутился в комнате.

Не успел я окончить свои прыжки, как мне было приказано Ароном выпить вмиг азиатскую чашку коньяку за опоздание из отпуска, прежде, чем явиться к командиру полка, который, по их словам, был на меня зол, как Зыкач (так его называли офицеры в интимной беседе).

– На стол! – затем было приказано Ароном. – Танцуйте между бутылками так, чтобы ваши звериные копытца не касались стекла с благородным напитком.

– Нет, лучше пусть он изобразит Анну Павлову. Я хочу балет, хочу балет!.. – говорил кто-то тоже из «веселых». Я чувствовал себя неважно от выпитого коньяка и еле стоял на ногах.

– Зверь, что же вы, голубчик, стоите и не исполняете приказание старого ротмистра... а?

Здесь ротмистр, красный, веселый от выпитого вина, пустил одно словечко, свойственное кавалеристу. Я вскочил на стол. Вообразите меня, благосклонный читатель, в роли балетной

¹ Зверем называют по кавалерийской традиции новичка.

танцовщицы Анны Павловой, на крохотном столике, да еще на голодный желудок. Подчиняясь приказанию, я начал исполнять мой номер,

Увы, балет был бы продолжен, если бы со мной не случилось одно происшествие, которого не случается, конечно, с Анной Павловой. В самый разгар моего исполнения вдруг от выпитого коньяка голова закружилась, и весь выпитый драгоценный напиток вышел фонтаном наружу.

– Назар, убери этого зверя, а то он вообразил, что в родных лесах, – крикнул ротмистр, и я тотчас же был выведен в соседнюю комнату хохотавшими у дверей Назаром и вестовым Сердара Баба.

Когда я очнулся, то было около восьми часов вечера, и я тотчас же, несмотря на сильную головную боль, отправился для представления к командиру полка.

– Что же вы, голубчик, просились на два месяца, а пробыли в отпуску два с половиной! А я здесь из-за вас офицеров не пускаю в отпуск, – говорил полковник Зыков, направляясь ко мне, как лев к своей добыче.

– Сережа! Пожалуйста, только не при мне! – обратилась тут же сидевшая жена командира, которая приехала навестить мужа, пользуясь отдыхом полка.

С ней я был знаком еще в бытность мою в училище, в Твери.

– А! А! Голубчик мой, – говорил, подходя ко мне и подавая руку, полковник Зыков.

– Разрешите, господин полковник, доложить вам, – сказал я.

– Докладывайте, докладывайте, я слушаю вас, – ответил он полусердито и полушутливо.

Свое опоздание я мотивировал тем, что плохая дорога заставила меня пробыть в пути больше двух месяцев и что дома я был всего-навсего четыре дня. Зыков согласился с моими доводами и, сменив гнев на милость, приказал адъютанту поручику Сомову, который замещал поручика Нейгарта, уехавшего в отпуск, заменить арест легким выговором мне в приказе по полку, однако и этого не состоялось по просьбе жены Зыкова.

Офицеры

Прошло два дня со времени моего приезда в полк, когда Сердар посоветовал мне явиться к командирам эскадронов. Самыми симпатичными из них, о которых идо сих пор я вспоминаю с удовольствием и которые впоследствии стали мне добрыми друзьями были: ротмистры Бек-Узаров, командир 3-го эскадрона; Натензон, командир 2-го эскадрона и поручик Раевский. Из туркмен – сам Сердар, прапорщики: Курбан Кулы, Кульниязов, Кишин Назиев, Баба Хан, Менгли Ханов, Танг Атар Артынов, Ата Мурадов, Коч Кулы, Шах Кулы и поручик Шакир-Ахметович Парпетов (крымский татарин). Конечно, кроме подполковников: Григорьева, начальника обоза и Эргарта, командира первого эскадрона! Последние два тоже когда-то были хорошими офицерами полка, но затем, благодаря их честолюбию и интригам, офицеры полка стали держаться от них, что называется, подальше. Еще подполковник Григорьев был хорошим собутыльником среди русских офицеров полка. Но когда он начинал выставлять свое «я», как старый офицер полка, якобы создавший полк и служивший с самого основания его, то в это время офицеры его просто называли Гри и говорили, что Гри опять «разошелся», и, забирая свои фуражки, спешили удрать. У него хватало бестактности называть офицеров молокососами, несмотря на то, что они служили в этом полку столько же, сколько и он. Эргарт был иного рода человек. В его характере и движениях лежал отпечаток обиженного судьбой человека. Кроме сухого устава и шагистики, он не знал и не интересовался ничем. Был с полезными для него людьми очень любезен, но, достигнув своей цели, резко менял тон, почти «не узнавая» их. Бывший пехотный офицер, он по какому-то недоразумению попал в дивизион. Несмотря на долгую службу с туркменами, он не постарался узнать психологию их, изучить язык и, не понимая их, часто попадал в смешное положение. Джигиты полка Григорьева называли Дэли бояр (сумасшедший офицер), а Эргарта – Капр бяур (поганный офицер).

Смеясь над последним, джигиты говорили друг другу:

– Если ты хочешь продать плохую лошадь, то продай ее Эргарту.

По отъезде джигитов домой, если у купленной лошади открывались какие-нибудь дефекты, то эти джигиты были для Эргарта разбойниками, персами и Аллах ведает кем. Поэтому Эргарт смотрел на них как на мошенников, а джигиты на него – как на человека, знающего их так же, как их лошадей. Если у него в эскадроне служили, то лишь благодаря тому, что там был один офицер, который действительно нравился всему первому эскадрону и пользовался уважением джигитов. Это был подпоручик Танг Атар Артынов.

В общем, туркмены-офицеры, как и всадники полка, органически не переваривали Эргарта. Хотя Эргарт об этом и сам хорошо знал, но продолжал служить в полку так же по недоразумению, как и попал в него.

– Балам, если ты хочешь изучить своего друга со всех сторон и проверить его дружбу, то соверши с ним путешествие. Путешествие наилучший экзамен для этого. В домашней обстановке и еж кажется мягким пухом. В Ахале все они были хороши, а в путешествии каждый из них обнаружил, каковы они в действительности, – говорили старики молодым, когда шел разговор о русских офицерах.

Эргарт с русскими офицерами не имел общения и сидел все свободные от занятий часы дома. Никто, как я уже говорил, из русских офицеров, а текинские и подавно, его не приглашал к себе и наоборот. В офицерских собраниях во время решения каких-либо вопросов, касающихся полка, оба подполковника являлись по приглашению офицеров, как старшие, для выслушивания мнения по тем или иным вопросам. В таких случаях, конечно, говорили оба, как старшие, и решали судьбы собраний; остальные офицеры, из уважения к их сединам и долголетней службе, не возражали, да и не хотели иметь в лице их противников в случае каких-либо пререканий. Туркмены офицеры иногда приглашались в собрания, а иногда нет – реше-

ние принималось и без их присутствия. Если их и звали, то для декораума. Они сидели и молчали. Если же кто-нибудь из них хотел что-либо сказать по существу данного вопроса, то сразу встречал нахмуренные брови и сверкающие глаза «обоих». Поэтому туркмены всячески старались избегать всяких собраний.

Мистул бояр, его лошадь и полярная звезда

Прапорщик Генэ Мистулов пользовался любовью своего эскадрона и уважением всего полка, как лихой джигит. Он состоял младшим офицером 3-го эскадрона. Жизнерадостный и всегда довольный жизнью, спокойный, беззаветно храбрый в боях, преданный друг в мирной обстановке, своими веселыми шутками он нередко вызывал здоровый смех джигитов под огнем врага. Под пулеметным и ружейным огнем вскочив на бруствер окопа, протанцевав лезгинку, он летел камнем в окоп. Результатом этой пляски являлся общий хохот и простреленная в двух-трех местах шинель. Подавленная напряженность джигитов проходила этим здоровым смехом, и они держались бодро в окопах, как и на спине лошади. Благодаря интригам Эргарта и Григорьева многие из лихих офицеров полка оставались в тени во время производства и раздачи наград. Одним из таких неудачников был и прапорщик Мистулов.

– Разак-бек, дорогой, – часто говорил он мне, – скажи пожалуйста при случае Зыкову и Сердару, с которыми ты в хороших отношениях, чтобы меня произвели в следующий чин. Ведь подумай сам – я служу в полку около двух лет, участвовал во всех боях и многие младшие-офицеры стали старше меня, а я все продолжаю гулять с полярной звездой.

– Ай, Мистул бояр, Мистул бояр! – говорили туркмены.

– Чья эта лошадь? – спрашивал туркмен туркмена, при встрече. Тот сразу отвечал, что Мистул бояра и уже после этого называл настоящего хозяина, если лошадь не принадлежала сидевшему на ней. Такой ответ вызывал обычно взрыв веселого незлого смеха у всех. Причиной этого со стороны джигитов было то, что Мистул бояр, служа в полку, не имел лошади, на жалованье, получаемое из полка, приобрести ее не мог, а деньги, получаемые от брата генерала Мистулова шли на товарищеские попойки. Среди джигитов была еще другая поговорка о нем. Если кто-нибудь из увольняемых джигитов, уезжая домой, хотел продать свою лошадь, то первым долгом задавал покупателю вопрос: «Как ты хочешь купить мою лошадь – как Мистул бояр или как настоящий покупатель?» Серьезный покупатель сразу садился на нее и, проехав версту, платил деньги и уводил ее за собой, а если говорил, что он хочет купить, как Мистул бояр, то хозяин предлагал ему лошадь даром и просил, чтобы он его оставил в покое.

Не любил Мистул бояр встречаться с командиром полка, но если происходили такие «счастливые» случайности, то после милых разговоров с ним он бросался на поиски себе лошади. Находился джигит, который искал покупателя для своей лошади и Мистул бояр брал ее на пробу. Продержав ее у себя день-два, он возвращал ее хозяину, говоря, что она ему не нравится. В это время, когда он гарцевал на испытываемой лошади, командир его эскадрона ротмистр Бек-Узаров и другие офицеры полка, заметив это, говорили друг другу, что наконец-то прапорщик Мистулов себе покупает лошадь, и разочаровывались, узнав, что покупка не состоялась, так как на задней левой ноге лошади не хватает одного гвоздя. Возвращая лошадь хозяину ее, Мистул щедро платил за пробу. Джигит, получая деньги, говорил:

– Ай, Мистул бояр, Мистул бояр, если бы кто-нибудь другой со мной так поступал, я бы за это убил его, но это делаешь ты, а тебя мы любим, и за это ты режешь нам голову!

После этого туркмены между собой говорили:

– Лошадь продавай Эргарту, а Мистул бояру отдавай напрокат, так как оба хорошо платят.

Наконец командиру полка надоел метод покупки лошадей Мистул бояра, и он ему в категорической форме приказал приобрести лошадь. По этому поводу домой пошла телеграмма перед выступлением полка в поход: «Полк готовится к лихим делам, вышли 600». Конечно, полученные деньги шли на обычные товарищеские пирушки.

– Что я, дурак покупать лошадь! Когда мне полагается казенная лошадь!! Ты сам пойми, Разак-бек, мне ли, несчастному, недолговечному в этом полку прапорщику, сидеть с одной

полярной звездой на туркменском аргамаче. Это совсем не к лицу мне. Когда появится у меня другая звезда и я буду уверен, что интриги этих двух полковников будут уничтожены, тогда и лошадь куплю, – говорил он.

– Да у тебя, как и у нас, Мистул бояр, никогда не будет другой звездочки, так как тебя не любит Эргарт и Григорьев, – смеялись туркмены-офицеры при интимной беседе.

– Тогда у меня и лошади не будет, – отвечал Мистул бояр.

– Вы еще не знаете, как хитры бывают осетины, – говорил он и в доказательство рассказал анекдот, который до сих пор остался у меня в памяти.

– Однажды осетин вез овес. По дороге его встретил товарищ и спросил, что он везет.

– Овёшь! – шепотом произнес тот.

– Что? Овес? – громко переспросил его приятель.

– Ради Бога! Умоляю! Не произноси это слово громко – моя лошадь голодная и может попросить.

Все хохотали.

Этим кончилась попытка Мистула бояра купить лошадь, а со стороны командира полка – все его усилия. И как только потом начинался разговор о лошадях, Мистул бояр умолял говорившего прекратить его, так как голодная лошадь может услышать, – т. е. Зыков.

Трехчасовые чай

Была оттепель. Снег таял и, превращаясь в мутную воду, протекал по канавам, шедшим по обеим сторонам шоссе. Птички чирикали неумолчно, чувствуя близость весны. У каждого на душе была радость при виде зеленой травки, пробивавшейся на полях, освободившихся от снега.

Третьего марта 1917 года утром вбежал ко мне в комнату вестовой полковника Ураз Сердара, Баба, с приказанием немедленно явиться к нему. Баба был бледен и чем-то взволнован. На мой вопрос, что могло случиться с Сердаром, так как в пять часов утра я вернулся от него, чтобы выспаться до семи, – Баба ответил незнанием. Считаю нужным сказать, что Сердар имел обыкновение рано ложиться и очень рано вставать. Вставал он аккуратно в три часа утра и больше он не спал, проводя время в чаепитии и в беседе с Курбан Кулы и со мной. Как только он открывал глаза, первая его фраза была вызвать Курбан Агу или же меня.

– Садись, Хаджи Ага! Давай поговорим! – с этими словами Сердар всегда меня встречал. – Я знаю, Хаджи Ага, что тебе все равно надо вставать в три часа для своего намаза, а потому я зову тебя сюда, чтобы поболтать. Совершить намаз можешь при мне, ничуть не стесняясь. Сам я, несмотря на то, что мусульманин и имею пятьдесят лет от роду, не совершил ни одного раза намаз в своей жизни. Молясь, ты и Курбан Ага просите Аллаха и за меня, чтобы Он разрешил мне, старому грешнику, все-таки попасть в рай, – говорил потом за чаем Сердар.

– Все в тебе я люблю, Сердар, но когда думаю, что ты ни разу в жизни не совершил ни одного намаза, то едва ли наши просьбы о тебе Аллах услышит, – отвечал в свою очередь религиозный до глубины души Курбан Ага.

Сердар только хохотал на недовольство Курбана. Если мы заставляли Сердара еще в постели, то мы совершали намаз с Курбан Ага до того времени, пока Сердар умывался и садился за стол. Окончив намаз, я и Курбан Ага присоединялись к Сердару пить гёок-чай, и начинались воспоминания о былых днях Ахала, Хивы и о наших отцах.

Между прочим, однажды Сердар рассказал нам, как его отец, Дыкма Сердар, после завоевания Ахала был представлен генералом Скобелевым Императору Александру II.

Государь, ласково приняв старика, спросил, какой подарок привез Дыкма Ему из Ахала? Быстро сняв свою папаху, старый Дыкма предложил Государю свою седую голову. Присутствовавшая в это время Государыня, которой очень понравился удачный ответ старика, задала вопрос, в свою очередь спрашивая, что он привез для нее. В ответ на это Дыкма толкнул к ее ногам Ураза, которому в то время было пять лет. Взяв Ураза, Государыня определила его в Пажеский корпус. Получив военное образование под Высочайшим покровительством, он вышел в один из драгунских полков.

Жизнь в России не пришлась ему по душе – его тянуло в родные степи. Он вернулся в Ахал и поступил в Туркменский дивизион.

Все эти воспоминания о своей жизни он рассказывал мне за чашкой зеленого чая, который он пил в изобилии и запасы которого держал всегда в большом количестве. Выпивал же он всегда один от трех до четырех чайников гёок-чая.

– Курбан Ага, расскажи нам, как ты со своими джигитами при обороне Гёок-Тепе вырезал русский полк и захватил знамя, – просил Сердар.

– Эй, что там рассказывать! Это было давно, – говорил Курбан Ага нехотя, глядя свою выкрашенную, как смоль, бороду. После долгих упрасиваний он согласился и рассказал нам, как однажды ночью, раздевшись догола с джигитами, вооруженными только ятаганами, они напали на русских и вырезали их до одного.

– Почему же вы шли голыми? – удивленно спросил я.

– А, балам, раньше наши мамыши в Ахале не знали ткать хаки. Если же мы пошли бы в своих белых бязевых рубашках, то нас сразу бы заметили. Тело же у нас черное, ночь была темная и в двух шагах нас никто не заметил. Да все это не так интересно. Вот лучше расскажу вам о смерти друга ваших отцов Аман Гельди Геля, – сказал Курбан Ага. – Когда русские взорвали стены Гёок-Тепе и ворвались в брешь, образовавшуюся от взрыва, Аман Гельди, войдя на крепостной вал, стал совершать намаз. Близкие начали упрашивать его сойти с вала и бежать, на что он им ответил: «Я не хочу жить в Ахале, который теперь принадлежит гяурам», – и продолжал молиться. Он был убит первым – ворвавшиеся солдаты подняли его на штыки.

Много еще рассказывал Курбан Ага. Рассказы эти меня так волновали, что я забывал о сне и о количестве выпитых чайников зеленого чая.

Свободушка

Я быстро оделся и поспешил к Сердару. По дороге опять задал вопрос насупившемуся Баба, в чем дело и здоров ли Сердар.

– Эй, Ага, Сердар-то здоров! Только он получил от командира полка приказание к 9 ч. утра собрать своих офицеров и прибыть к нему. Сердар Ага говорит, что Ак-Падишах отрекся от престола и что в Петербурге бунт.

Меня эта весть чуть не свалила с ног. Сразу представилась мне Россия в виде моей Хивы в дни бегства Хана из нее, перед приходом русских. Погромы, насилие, бегство трусливых и двуличных сановников, оставивших Хана одного, и торжество персов во главе с их представителем² Мат Муратом.

Сердар сидел без тюбетейки, что бывало с ним в минуты сильного волнения, и был хмур.

– Еще раз доброе утро, Хаджи Ага! Садись, садись. Я хочу посоветоваться с тобой и Курбан Ага (он пришел раньше меня к Сердару) относительно того, как подготовить и сообщить туркменам о комедии, разыгранной нашими верхами. Падишах отрекся от престола, ты это знаешь? Итак, весьма слабый по своему составу полк, жаждущий и тоскующий по родным степям, может потребовать от меня, чтобы я вывел его домой. Ты знаешь и понимаешь, что значит это отречение Падишаха-Сердара для кочевника. Каждый из них будет думать – раз сам Сердар ушел, то нам и подавно нужно разъехаться по домам, так как воевать без Сердара равносильно стаду быть без пастуха. Возмутительно, возмутительно, – повторил он и, встав, начал ходить из угла в угол комнаты.

– Мне тоже не нравились злоупотребления, которые делали русские чиновники в моем родном Ахале при нынешнем строе, но все же я нахожу преступлением делать переворот, когда враг стучится в дверь страны. Мерзавцы продали страну! Подождите – покажет вам немец такую свободу, что долго под его сапогом будете работать и чтобы научиться, как жить и быть свободными людьми, а не только мечтать о свободе.

Я напомнил ему о Мат Мурате и о его действиях по отношению к хивинцам ради освобождения своих персов из рук хивинцев. Он согласился со мной и сравнивал роль Мат Мурата с ролью немцев в России.

– Я опозорен пред туркменами в Ахале. Когда я им сказал, что Россия в опасности и честь ее надо отстаивать, – они как один человек пошли за мной. Господи, как я верил в благополучный для России исход войны! Все наши победы, все потери и столько пролитой крови пропало даром! Как же теперь нам выйти с честью из этой грязной каши и в добром здоровье доставить оставшихся в живых джигитов к их родным в Ахал?! Я не верю этой их свободе. Они продадут ее так же, как продали сейчас Россию. Украденная свобода впрок не пойдет, – говорил в отчаянии старый Сердар.

Курбан Кулы сосредоточенно молчал. Он был бледен и то и дело нервно глядел в окно. Сердар глубоко вздохнул, остановился посередине комнаты, еще что-то хотел сказать, но в это время начали входить офицеры, русские и туркмены.

Позже всех явился поручик Рененкампф и передал приказание полковника Зыкова явиться к нему.

– Нэмэ хэбар, Хаджи Ага? – спрашивали офицеры-туркмены знаком подбородка и бровей. Я молчал.

Когда все офицеры четвертого эскадрона были налицо, Сердар надел свою папаху. Курбан Кулы подал ему шинель, и все вышли.

² Книга «В стране Бахадуров».

Русские офицеры и Сердар отправились вперед, а я в группе офицеров-туркмен шел сзади.

Офицеры-туркмены были ошеломлены, услышав об отречении Падишаха-Сердара.

– Посмотрим, что они сделают дальше и кого посадят во главе управления и армии! – бурчали между собою растерянные туркмены.

– Нет, балам, Россия теперь погибла! – заговорил вдруг, глубоко вздохнув, Курбан Ага, до этого шедший молчаливо.

– Почему? Разве возможно, чтобы погиб стопятидесяти-миллионный народ? – удивился Баба Хан.

– Если хочешь знать, то да! – ответил Курбан Кулы.

– Почему? – опять задали вопросы.

– Очень просто! – ответил он. – Россия была могущественная и великая тогда, когда во главе ее был один человек, которого мы называем Ак-Падишахом. Во время его управления хотя и было трудно для народа, но как-то все проходило. Чиновники были нечестны, получая от Царя жалованье и недобросовестно исполняя свои обязанности. Все это было плохо, но будучи привязано к ногам одного человека, держалось крепко. Теперь этот человек ушел, и завтра же откроются все слабые стороны новых правителей, убравших Царя и захотевших самим быть на Его месте. Скоро эти господа, не подготовленные к деятельности правителей и севшие не в свои сани, будут бегать от народа, который потребует от них то, что они обещали и что, по «их» словам, не давал ему Царь. Начнется борьба за власть, один глупец будет вырывать власть у такого же, как он сам. Ради достижения своей цели, прольют море крови. Россия будет носиться по морю крови, как корабль со сломанным рулем. Все устроившие революцию и сочувствующее ей, будучи пришиблены ее волной и желая подделаться под общий тон, будут кричать: «Мы сделали революцию для народа», а народ этот – темный и неподготовленный. Он же и пойдет против «них» же самих. Они будут кричать и шуметь: «Пусть сейчас хуже, а потом будет лучше». Но никто уже им не будет верить. И как «они» могут говорить, что сделали эту революцию для народа, когда «они» и запросов его не знают. Прежде чем дать свободу, надо было бы узнать, готов ли и хочет ли ее народ? Вот, например, я сам – представитель народа, мне 60 лет, а я не радуюсь сегодня, а проклиная моей сединой тех, которые разрушили в этот день свою и мою родину, Ахал. Я это чувствую и уверен, что это будет так. С этого дня Россия будет принадлежать тем, кто ее захватит, и только Аллах знает, кто будет ее правителем. Я очень боюсь, что иностранцы, использовав эту свободу, разрушив уже потрясенную Россию до конца, через самих же русских, доведут ее до состояния Персии, чтобы в будущем диктовать ей свои условия. Помнишь, Хаджи Ага, ты читал в одном номере петербургской газеты в 1915 году, было напечатано аршинными буквами, что наконец-то мечта русского народа сбылась. Дарданеллы форсированы мощным флотом союзников, и Константинополь переходит со священной церковью Айя-София в руки русского народа и вместо полумесяца будет над ней сиять крест. Вместо Айя-Софии с этого дня «они» поставили крест на России! Ведь эта насмешка была устроена врагами России, находившимися внутри ее, чтобы народ открыл глаза и, потеряв веру в правительство, легко пошел навстречу разрушению, с одной стороны, с другой – подорвать авторитет русского человека в глазах многомиллионного мусульманского мира, который должен был тоже думать о том, за что же он в конце концов борется, если Россия хочет сменить полумесяц крестом?! Были люди в России, доведшие ее до такого могущества, пред которым преклонялся весь мир. Теперешние господа продали ее, как блудный сын, размотавший наследство отца и не подумавший, какими усилиями и какой ценой собрал его отец. Нет, с этой минуты не собрать России! Поэтому я говорю и чувствую, что с этого дня Россия погибла, т. е. ее продали. Хозяева ее теперь не русские, а все те, кто за нее заплатил!

– Кто же за нее заплатил, по-твоему, Курбан Ага? – спросил я невольно, сам не свой.

– Хотя бы те же немцы и англичане!

– Как же так англичане? Ведь они наши друзья, а немцы наши враги, – удивленно заметил Шах Кулы.

– Прежде чем быть другом англичанина, не мешает взять несколько уроков у немца, как с ним надо дружить! – закончил старый Курбан.

Зыкач сердится

Я был растерян и совершенно озадачен словами старого Курбана и долго бы пребывал в таком состоянии, если бы сильный стук и удары по чему-то, несшиеся из комнаты командира полка, не привлекли мое внимание. Это ударял по столу кулаком Зыкач бояр – как называли его туркмены.

Потрясенный внезапным отречением Государя и ударяя кулаком по столу, возмущенный и красный, как рак, он кричал:

– Это безобразие, гадость, черт знает что! Какая-то группа мерзавцев во главе с дрянным адвокатишкой из жидов вздумали царствовать! Вы мне скажите, пожалуйста, – как вам нравится этот жидовский царь? – обратился он к нам, забыв предложить нам сесть.

Передохнув немного и узнав, что все офицеры в сборе, он, обратившись к своему адъютанту, приказал:

– Поручик Нейдгарт, прочтите вслух господам офицерам телеграмму этого... – здесь он пустил одно характерное словечко, которое без разрешения автора воздержусь написать.

Поручик Нейдгарт медленно начал читать сперва акт отречения Государя, Великого Князя Михаила Александровича и, наконец, указ Временного правительства. Когда при чтении он произносил имена Керенского, Гучкова и других, то Зыков сжимая кулаки, сверкая глазами, подпрыгивал на стуле. Во время чтения я наблюдал за лицами всех присутствующих. Сердар и туркмены были мрачны и переживали тяжелые минуты, опустив головы, – все молчали. Лицо Кюгельгена³ выражало полнейшее спокойствие, и за все время чтения ни разу это выражение не изменилось. Мне показалось, что он давно был к этому подготовлен. У Эргарта на лице кроме спокойствия еще было выражение, говорившее: «Ну что же особенного. Раз все это случилось, ничего не поделаешь. Скоро разъедемся по домам!» Григорьев был зол, но мне показалось, не потому, что России грозит опасность, а потому, что он не сможет кричать на офицеров и джигитов, что они молокососы, что он создал полк и т. д., так как ему теперь будут на это возражать, ибо он никогда ничего не создавал, да и не был способен создать что-либо. Курбан Кулы был желт. Я его знал таким только в минуты сильных волнений. Зыков, старый воин и как истинный русский человек, любящий беспредельно свою родину, был безгранично потрясен до глубины души. Не стесняясь присутствием офицеров, он плакал и сквозь слезы говорил:

– Вот вам, господа офицеры, дослужились! Слышали, что вам сейчас читал поручик Нейдгарт? Государя-то сместили в такое тяжелое для Родины время, не говоря ни слова ни армии на фронте, ни русскому народу. Вы согласились бы туркмены, чтобы Царя в такие роковые для России минуты сместили, а? Ведь какая-то сволочь с Гучковым и Керенским во главе дерзнули на Императорский трон – а? Как вам это нравится, господа? Я первый присягать этой сволочи не буду, я не верю «им», а вы, господа офицеры, как хотите. Сегодня им вздумается посадить на трон адвоката Керенского, а завтра Гучкова, не спрося согласия тех, которые здесь, в холоде, в голоде, защищают дорогую нам Русь, а в тылу, в царских дворцах, восседают люди, и тень которых не дерзнула бы явиться на порог дворца, когда в нем жил Государь Император! – закончил Зыков, то краснея, то белея от злости и от внутренних переживаний.

– Вот, Хаджи Ага, сын мой, не правда ли то, что я говорил, когда мы шли сюда? – обратился Курбан Ага ко мне, когда мы вышли от Зыкова. – Ты слышал, что первый Зыкоу бояр не признает Временного правительства, а таких Зыкоу бояров 150 миллионов в России. Знают, каждый будет говорить о себе и каждый будет не согласен и будет стараться добиваться власти. Так и пойдет кутерьма по всей России! Вот эту-то кутерьму иностранцы и используют

³ Полковник Кюгельген, помощник полковника Зыкова.

в свою пользу и заварят в России такую кашу, что расхлебать ее смогут только они, сделавшись хозяевами ее, – говорил он.

– Да, Курбан Ага, это совершенно правильно, что русские ошиблись с этим и потому сгорят, как бабочка в огне. Сейчас нужен России Сердар, пока армия на фронте, – Сердар с железной рукой, тогда что-нибудь выйдет, – вставил Шах Кулы.

– И Царь тоже растерялся! Разве власть ему легко досталась, чтобы ее так легко сдать, как он ее сдал теперь!! Но, конечно, все это от Аллаха. Когда Он посылает кому-нибудь несчастье, разум человека исчезает, – говорил Баба Хан.

– Кого ты называешь иностранцами, Курбан Ага? – спросил я, очнувшись от тяжелой думы.

– А всех тех, которые не любят свою родину, балам, – ответил Курбан Ага.

– Знаете, господа, Зыкач сердит сегодня! Не хотел бы я сейчас попасть к нему под руку, – вмешался Силаб Сердаров, подходя к нам, и передал мне, что меня зовет Сердар.

За палау (За пловом)

В один ясный солнечный день я сидел в кругу джигитов у себя на квартире. Я жил с Курбан Ага в одной комнате. Как я уже говорил раньше, в полку была традиция среди туркмен, что вне строя джигиты запросто могли приходиться к своим офицерам мусульманам, есть у них палау (плов), беседовать и дружески проводить время. Эту традицию поддерживал и командир полка, часто приходивший запросто ко мне пить чай и беседовать с джигитами. Курбан Ага, только что окончив свой намаз, восседал в ожидании вкусного плова, мастерски приготовленного рукой Беляк батыря. Молодой туркмен, внук Аман Гельди Геля, убитого во время молитвы на крепостном валу Гёок-Тепе в день его взятия русскими войсками, обратился ко мне:

– Спасибо тебе, Хаджи Ага, что всегда делишься с нами тем, что сам знаешь. Все твои сообщения для нас, неграмотных, очень дороги. Мы не можем себе дать отчета, что творится сейчас вокруг нас. Джигитов, Ага, волнует сейчас вопрос, вернется ли Царь опять, будет ли продолжать войну, а если нет, то скоро ли они смогут вернуться в Ахал? Скажи, Хаджи Ага, если Царь не вернется, то кому мы должны служить и кто будет старшим над Россией и армией? Сердар Ага все молчит и думает. Быть может, ты что-нибудь слышал от Сердара, что он собирается делать? Вчера я был у него, и на мой вопрос, что будет дальше, он ответил, что сам он не знает, что и как быть дальше, так как он еще не разобрался в политической обстановке. Во всяком случае, он посоветовал ждать и терпеть.

Кстати сказать, что Сердар, вообще молчаливый по природе, после объявления свободы стал еще больше молчаливым и невеселым. Во время чаев он немного говорил, а только слушал и смеялся не от души.

– Ты, Гени-бек, говоришь, что Сердар сказал: надо терпеть?

– Да, – ответил Гени-бек.

– Ну если Сердар один раз сказал слово «терпеть», то я повторю это слово три раза, так как терпение – ключ к блаженству. Это сказано в Коране. Мы, мусульмане, должны быть терпеливыми.

– Верно, верно, Хаджи Ага, – поддержал меня полковой мулла, всегда молившийся со мной и Курбан Кулы.

– Слушай, Гени-бек, текинцы еще не вложили свои ятаганы в ножны. Наш враг еще не ушел. Он стоит еще на фронте и хочет уйти последним. Как ты думаешь, текинцу, славному воину, подобает сейчас бежать в Ахал с поля брани? Ты внук честного героя, патриота Ахала и защитника его славы и чести, Аман Гельди Геля. Он умер, произнося имя Великого Аллаха, но не говоря слова «кач» (бежать). Ему было легче умереть, чем видеть позорную церемонию сдачи Гёок-Тепе, который он защищал так свято. Он своей кровью нам оставил завет, как надо умереть туркмену, его потомству, из-за любви к своей родине. Если он умер за свой родной Ахал, то мы тоже должны умереть за родину, родину старшую – Россию, так как Ахал теперь составляет ее часть. Вы пришли на зов Сердара не по принуждению, а по доброй воле грудью отстоять ее честь и дали в этом слово. Нарушителю слова пошлют свое проклятие из глубины своей могилы – Аман Гельди Гель, Дыкма Сердар. После этих героев проклянет их Россия и потомство! Вот что я скажу тебе. Это можешь передать всем тем, кто желает знать мое мнение.

Все молча и сосредоточенно выслушали до конца. Никто ни одного слова не произнес. Только хруст от ломания пальцев и глубокие вздохи Курбан Ага нарушали тишину.

– Макул, макул! Правильно, правильно! Сильные, разумные слова! – говорил мулла, ломая пальцы. Темно-бронзовые лица присутствующих глядели сосредоточенно.

– Мне кажется, больше того, что сказал Хаджи Ага, никто нам так ясно и искренно не сказал до сих пор и не скажет. Мы, туркмены, должны, как сказал Хаджи Ага, уйти с фронта после немца и даже после самого уруса, – поддержал меня молодой Баба Хан Менгли Ханов.

– Палау готов, прикажите подать? – произнес Бёляк батыр. Все поднялись и вышли в соседнюю комнату, чтобы мыть руки, а Курбан Ага, погладив мне лоб, сказал:

– Живи долго, сын мой! Сильно и хорошо ты ответил! Этот ответ мне запомнится.

Палау был подан, и не успели мы его начать, как в дверь послышался стук и голос Сердара, спрашивающего разрешения войти.

Мы все поднялись ему навстречу.

– Вечно, Хаджи Ага, у тебя сборище джигитов. Чем ты их приворожил, что все они тянутся к тебе? И ты здесь, Гени-бек? Ты ведь, кажется, сегодня дежуришь, балам, по эскадрону? – говорил Сердар, садясь с моего разрешения на кровать, так как мы все сидели на полу на чудных текинских коврах.

– Нет, Сердар Ага, я сегодня не дежурю. Моя очередь завтра, – ответил Гени-бек, обращаясь к Сердару, который, сняв папаху, приготовился к встрече гёок-чая, поданного по моему приказанию, так как он отказался от палауа.

Мы дружно принялись за палау.

– Однако аппетит у тебя, Хаджи Ага! Ведь ты сейчас с нами обедал (я столовался с Сердаром вместе и никогда не отказывался от палауа в обществе Курбан Кулы и Беляк батыра) и вот опять ешь палау! – шутливо заметил Сердар, поднося к губам чашку зеленого чая.

– У меня, Сердар Ага, такой же аппетит к палау, как у тебя к гёок-чаю. – Меня поддерживали смехом.

– Да! Ты прав, Хаджи Ага! Что касается зеленого чая, то я хоть с утра до ночи готов его пить. Мы же ведь туркмены! – соглашался Сердар.

– У нас, Сердар Ага, у хивинцев, есть одна поговорка, которая говорит, что от безделья и желудочная боль кажется музыкой. Так и ты с утра до вечера пьешь гёок-чай ради времяпрепровождения, – сказал я. Последовал опять взрыв смеха.

– Я тебе, я тебе с твоей хивинской поговоркой! – бил Сердар меня слегка стеком по спине.

– Сердар, он, по твоим рассказам, как его отец, – веселый собеседник. Поэтому мы всегда с ним, – говорил мулла.

– Да, да, я знаю! – соглашался Сердар, глотая гёок-чай.

Палау кончился. Наевшиеся гости еще не поднимались с мест. Курбан Ага гладил сильной рукой свою выкрашенную бороду, произнося «Хвала, Тому, Кто создал рис!». В это время в комнату торопливо вошел мой преданный денщик Фока Штогрин и, увидев Сердара, смутился.

– Здорово, молодец! – поздоровался с ним Сердар.

– Здравия желаю, Ваше Высокоблагородие, – отчеканил тот.

– Что скажешь, молодец, если не секрет и если твой барин не послал тебя с запиской к той дамочке, которая живет у речки... Я ведь все знаю, брат! Знаю также, что твой барин ухаживает за ней ночью, когда все спят, – сказал Сердар, шутя грозя стеком, глядя то на меня, то на денщика.

– Сердар, разве ты сам не был таким, как Хаджи Ага, двадцать лет тому назад? Не ты ли делал стоверстные переходы, чтобы принять чашку чая из ее руки?! – подмигнув присутствующим правым глазом, вставил Курбан Кулы.

– Да, ездил! А кто же ее мне показал, как не ты сам? Ты тоже, Курбан Ага, не святой, хотя каждый день аккуратно пять раз совершаешь намаз и сейчас бы ты не прочь... но суровой жизнью утомленный, не можешь быть полезным. Напрасно, Курбан Ага, чтобы показаться русинкам молодым, красишь свою бороду, – хохотал Сердар, заражая всех веселым здоровым смехом. Сердар считал Курбан Кулы своим и всегда любил его общество.

– Разрешите доложить их благородию! – наконец обратился молчаливо и терпеливо ожидавший конца разговора Фока. Извинившись, я вышел в соседнюю комнату.

– Ваше благородие, сейчас получен приказ из Петрограда, что солдаты не должны признавать вне строя своих начальников и называть их по чинам. Мне это сейчас сообщил старший урядник обоза, а тому по секрету сообщил его друг, старший писарь. Приказ этот еще командиру полка неизвестен. Ради Бога, Ваше благородие, не говорите еще Сердар Ага, а то он будет думать, что я у вас как бы шпион, и солдаты обоза тоже будут относиться дурно ко мне, – говорил Фока.

– Почему же ты тогда меня называешь Ваше благородие?

– Никак нет! Вы для меня были и остаетесь Ваше благородие, – ответил Фока.

– А как же приказ? – спросил я.

– А, Ваше благородие, дураки сидят в тылу, и они выдумали, которым нечего делать, – воскликнул Фока.

Не прошло и пяти минут после разговора с Фокой, как вошел от командира полка его вестовой с приказанием Сердару немедленно явиться к нему.

– Ах, Зыкач, Зыкач, опять что-то случилось! – говорил Сердар, вставая, чтобы пойти к командиру полка.

Присяга

– Ну будь здоров, дорогой сын! Желаю тебе счастья и здоровья на поле брани. Если Аллах даст живым и здоровым добраться мне до Ахала, то постараюсь известить твоего отца, что тебя любят туркмены и ты отличный сын, – говорил Арчин Ага – глава делегации, родом из аула Гёок-Тепе, который привез в полк запасных джигитов и пожелал узнать о жите-бытье джигитов в полку.

– Как вы устроились с винтовками, куда и хорошо ли их спрятали? В вагоне попадетесь, будет скандал, – говорил помощник Арчин Ага (их было девять человек представителей из разных аулов) уезжавшим вместе с ним в Ахал уволенным джигитам.

– Не беспокойтесь, Арчин Ага, если сам отец обыщет нас и то не найдет! – говорили джигиты.

– Интересно все-таки, как прячут они оружие, предназначенное в Ахал? – поинтересовался я, подходя к Баба Хану.

– У каждого из этих дьяволов есть своя манера и секрет везти оружие, – сказал мне Баба Хан и тут же обратился к одному из джигитов: – Эй, Чары, иди сюда, где твоя винтовка, которую ты везешь домой? – спросил Баба Хан.

– Ищи сам, Баба Хан! Если найдешь, твоя будет, – сказал, смеясь, джигит.

Баба Хан и я тщательно обыскали его и, к нашему удивлению, не могли найти.

– Где же твоя винтовка? Покажи сам! – удивленно спросил я джигита.

– Вот она, Ага! – показал он на балалайку, в грифе которой был спрятан ствол.

Азиатская балалайка имеет большой круглый корпус – в него-то джигит и спрятал затворы от трех винтовок. «Ложа нам не нужна, в Ахале сделаем сами», говорили джигиты, провозя таким образом домой много оружия. Кроме австрийских и немецких винтовок, каждый из джигитов вез револьверы, патроны, гранаты. Каждый джигит должен был вооружить свой дом и друзей, а лишнее продать по высокой цене в Хиву иомудам, персам и в Афганистан. Кстати, замечу, что хивинские иомуды вооружились за счет фронта через текинцев, а все-таки главным образом через армян, которые заполнили огнестрельным оружием Персию и Хиву за счет Кавказского фронта.

Занятый рассматриванием оружия и удивленный хитростью туркмен, я не заметил подошедшего Баба, передавшего мне приказание Сердара явиться к нему. Попрощавшись с делегацией, я отправился к Сердару, которого застал, по обыкновению, за гёок-чаем.

– Садись, Хаджи Ага, есть важная новость, и я хочу посоветоваться с тобой по этому поводу, – сказал Сердар, протягивая мне пиалу с гёок-чаем.

Наступила тишина, прерванная Сердаром.

– Командир полка получил телеграмму, предупреждающую о приезде комиссаров для присутствия во время присяги полка Временному правительству. По этому поводу вы, переговорив с муллой, приготовьтесь к церемонии. Мне кажется, не все джигиты хорошо знают молитву для этого случая. Если нет, то научите их! – закончил Сердар.

Наступила тишина, которую опять нарушил Сердар.

– Как мне, Хаджи Ага, не хочется присягать этой сволочи, а все-таки придется, иначе нас могут объявить бунтарями и тогда ни за что ни про что полк погибнет здесь, в этом хаосе.

– Джигиты могут сказать вам, Сердар Ага, что зачем нам присяга, если мы раз присягали на верность России. Для нечестного воина присяга не имеет цены – он ее может нарушить в любое время. Если в состав Временного правительства вошли люди не русские, а иностранцы и не доверяют нашей первой присяге, то, Сердар, разреши нам, скажут джигиты, разъехаться по домам, – сказал я.

– Вот этого-то, сын мой, я и сам боюсь! Ах, если бы была возможность избежать этой комедии, я бы с удовольствием это сделал, но, конечно, не осложняя положение полка. Кроме того, – добавил он, протягивая мне четвертую по счету пиалу, – по приказанию командира полка все приказы, получаемые из Петрограда, будешь переводить на туркменский язык ты, а читать их – мулла, так как боюсь, что джигиты по приезду в Ахал будут иметь на меня претензию, что я их не держал в курсе всех событий, – закончил Сердар.

Выслушав Сердара, я просил разрешения высказать свое мнение.

– Говори, Хаджи Ага! Я слушаю тебя!

– Сердар Ага, ведь есть выход из всякого положения, как бы ни было оно сложно.

– Ну-ка, ну-ка, обрадуй! – перебил меня Сердар и крикнул: – Баба, тащи другой чайник гёок-чая!

– Я думаю, Сердар Ага, что в присутствии приезжих комитетчиков мы прочтем молитву о даровании победы России, и весь полк поднимет руки к небу по прочтении муллой маленькой выдержки из Корана. Джигитов, если надо, предупредим об этом. Молиться будем, прося у Аллаха победы и благополучного возвращения в Ахал, это с одной стороны, а с другой – помолимся по убитым туркменам в эту войну! – предложил я.

Сердар не знал, что делать от радости, и сейчас же, забыв о своем приказании подать новый чайник гёок-чая, ушел к командиру полка.

Командир полка Зыков был очень рад этой идее и, вызвав меня, пожал руку.

– Жидам? Присягнуть? Нет! Я верю в Промысел Господа Бога. Эта нечисть долго держаться не будет. Разлетятся! Не правда ли, корнет Хаджиев, – обратился Зыков, протягивая мне гёок-чай. Он тоже любил пить его, но, конечно, не в таком количестве, как Сердар.

Была пасмурная погода, когда полк молча, в пешем строю, при штандарте, выстроился в поле. Пришлось ждать довольно долго товарищей-комитетчиков. В конце концов они прибыли. Лица их не внушали доверия, по выражениям лиц у туркмен. Полк замер, и мулла в торжественной обстановке и в глубокой тишине начал медленно читать главу из Корана, как вообще он читал во время общей молитвы. Товарищи комитетчики, украшенные красными бантами, величиною с тарелку, стояли молча с опущенными головами. Мулла кончил и молча поднял руки вверх. Полк последовал примеру муллы. Помолвившись с минуту, мулла крикнул: «Омин!» – и все сразу поднесли руки к лицам, и «присяга» была закончена.

После присяги приехавшие товарищи подняли вопрос, почему полк не носит красных бантов и почему также с штандарта не снят до сих пор Императорский вензель. На это командир полка ответил, что полк состоит из мусульман, а их национальный цвет зеленый, который и будет скоро введен. Что же касается штандарта, то он принадлежит полку, и полк не хочет снять вензель Государя, который он заслужил собственной кровью. Так вензеля полк и не снял, завернув его зеленой материей, да и красно-зеленого банта тоже никто из нас не носил. Собственно говоря – зачем надо было это внешнее украшение, когда первым делом надо было украсить душу. Она же с первых дней революции – изживала!

Товарищи комитетчики собрали обозников-солдат, а их с писарями вместе было больше ста человек в полку, и стали готовиться к митингу. Ждали также туркмен. Конечно, многие туркмены не пошли, ссылаясь на незнание языка.

Узнав о митинге, Сердар приказал выпустить на площадь, где состоялся митинг, двух жеребцов, и ловившие их туркмены своим гиканием расстроили митинг.

После этого дня со стороны обоза посыпались на джигитов полка злобные упреки, что-де туркмены не хотят поддержать революцию и идти с ними рука об руку.

Замечу, что обоз был нарыв на теле полка. Еще до революции в высшей степени распущенные от безделья и находясь в весьма слабых руках своего начальника, полковника Григорьева, обозники после объявления свободы решили играть роль. Первые комитетчики, ораторы, агитаторы вышли из обоза, да из полковой канцелярии. Все старания их притянуть

джигитов в революционную игру оставались тщетными, так как у нас в полку жизнь отдельного джигита была связана с волей вождя, Сердара, по вековой непоколебимой традиции. Много способствовало еще незнание языка туркмен. По природе своей вольный и свободный туркмен не понимал цели и значения быстро надвигавшихся событий, которые еще больше связывали их с Сердаром.

– Такую свободу личности, такое к нам отношение наших мусульман бояров, во главе с нашим Сердаром, нам ни вы, ни ваш Кирэнски не может дать, и нам больше того, что имеем сейчас, не нужно, – отвечали джигиты, когда тянули их на совместную работу обозники.

Обоз и канцелярия ругались, называя туркмен ишаками. Я слушал эти споры, молчал, терпел, посещал аккуратно собрание полкового комитета, членом которого я состоял в качестве представителя от пулеметной команды и 4-го эскадрона. В комитет всунул меня Сердар, чтобы быть в курсе дела.

– Я знаю, балам, что тебе тяжело, но и мне не легче. Ну что делать, когда я хочу вывести этих честных сынов Ахала, сохранив их сердца в таком же чистом виде, с каким они вышли сюда. Я тебе верю, Хаджи Ага, и уверен в твоей сообразительности и опытности, – говорил мне Сердар, когда я жаловался на бесцельность всей этой «работы» в комитете среди тупой солдатчины.

Вся прелесть этого комитета состояла в глупости и в ничегонеделании. Надо было терпеть, ходить, молчать, слушать глупости, терять золотое время и наживать врагов.

Новые птицы, новые песни

Итак, дни шли за днями. Обозные солдаты, будучи настроены отрицательно к туркменам, начали говорить и возбуждать против полка обозные части, стоявшие в Коломее.

– Хаджи Ага, вчера мы были в Коломее, и солдаты пригрозили нас всех перестрелять, если мы покажемся на полосе фронта, за то, что мы не поддерживаем наших обозных товарищей. «Подождите, разбойники, большепапашники, мы с вами разделаемся немного погодя!» – кричали они нам.

Пришел май. Изобилие солнца, зелени и цветов радовало взор. В эти дни надежды на светлое будущее закрадывались в душу. Хотелось забыть обстановку настоящего времени и думалось, что все это несерьезно и что скоро пройдет. В местечке Пичинежине жизнь была ключом. Девушки-русинки в своих разноцветных камзолах и расшитых рубашках волновали кровь джигитов.

Аргмаки, как бы опьяненные свежим воздухом весны, играли на ходу и танцевали на месте. Не дай Аллах, если в это время проезжал какой-нибудь сельчанин на кобылишке, – поднимался такой кавардак, и нужны были большие усилия и труды, чтобы удержать аргмаков в руках. Кстати, скажу, что это был единственный полк в русской армии, в котором люди сидели на жеребцах.

В один из таких прекрасных дней мая душа джигитов, Зыкоу бояр, трогательно распроставшись с полком, уехал. Он получил назначение на должность командира бригады в 7-й кавалерийской дивизии.

Вместо Зыкова тотчас же вступил командовать полком полковник Николай Павлович фон Кюгельген. Очень добрый, отзывчивый и мягкий человек, полковник фон Кюгельген мог бы быть хорошим командиром полка, если бы не интриги Эргарта и Григорьева, которые чуть с ума не сошли от злости, не получив места командира полка «в созданном ими полку». Кюгельген любил текинцев, и туркмены его уважали и начали постепенно привыкать к нему как хорошему человеку, да к тому же он просто держал себя с джигитами и офицерами-туркменами, приглашая их запросто к себе на гёок-чай, во время которого, по обыкновению, надевал туркменскую тюбетейку. Григорьев и Эргарт, смеясь над Кюгельгеном, распространяли среди джигитов полка сплетни, говоря, что хитрый Кюгельген в туркменской тюбетейке похож на Хаджи Вильгельма в арабской чалме. Сердару и туркменам в полку Николай Павлович нравился. В дни сидения в Быхове генерала Корнилова он мне помогал во всем, в чем нуждался я, – в смысле улучшения жизни узников. Ему много напортили два «боевых» полковника, сваливая все нехорошее на Кюгельгена. Он сам это знал и не предпринимал ничего, так как не хотел поднимать истории в такие критические минуты, когда полк нес исключительно трудную задачу. Надо принять во внимание, что он вступил на должность командира полка в то время, когда и у всех начальников русской армии не было твердой веры и власти на оздоровление армии и фронта.

В конце мая полковник Кюгельген пригласил всех нас офицеров к себе и сообщил, что получена телеграмма от командира корпуса с запросом, – желаем ли мы идти на позицию. Теперь такой обычай: чтобы послать какую-нибудь часть на позицию, надо было заручиться ее согласием. Сердар и все офицеры полка изъявили свою готовность идти в бой, и сейчас же была послана ответная телеграмма.

– Ай, Хаджи Ага, какие теперь времена настали! Что за разговоры и спрашивания – пойдет ли полк на фронт или нет! Что это за новые законы? Мы ничего не понимаем. Может быть, наш полк не сможет сделать такие красивые дела, как в 1914–1915 годах, так как он на три четверти теперь состоит из джигитов, которые еще пороха не нюхали, но все же еще воевать

сумеем, а уговаривать нас, – пойдём ли в бой? – нехорошо. Ай, Падишах, Падишах, ты ушел, и с тобой ушла боевая слава! – говорили обиженно старые джигиты, услышав о новых порядках.

– Интересно, Хаджи Ага, пойдут ли кроме нас какие-нибудь русские части в бой и поддержат ли нас? – спрашивали новоприбывшие.

– Ничего! Одинокому путнику Сам Аллах попутчик, – ответил я им на это.

– Хаджи Ага, эти ли люди могут понять и оценить свободу? – говорил Курбан Ага, указывая на возчиков солдат, проезжавших мимо нашего полка, которые, сидя на возу, с огромными красными бантами, грязные, в пыли, жевали непрерывно черный хлеб.

Было приблизительно начало июня, когда пришла телеграмма, извещавшая нас о приезде командира 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова для смотра полка.

Генерал Корнилов

Был жаркий июньский день. С безоблачного синего неба жарило раннее солнце. Словно золотой горящий шар всплыло оно из-за далекого не то фиолетового, не то синего, не то бархатно-зеленого леса. Напротив, на западе, сине-зеленые, кудрявые Карпатские вершины. В этом как бы непрерывном кругу лесов и гор – золотые, волнистые, сгибаемые под тяжестью колосьев, качались неизмеримые пространства ржи. Белые деревни русин, древних потомков Червонной Руси. Эти широкие печально-сентиментальные виды – не то заход Руси, не то восход Австрии. В этой-то обстановке был выстроен в широком поле в конном строю Текинский конный полк.

Ждали мы генерала Корнилова долго. От долгого ожидания аргамаки начали нервничать и беситься. Один из жеребцов, вырвавшись из рук дремавшего хозяина, пустился по полю. Выделенный из полка для поимки его взвод всадников ни к чему не привел. В этот момент на горизонте по шоссе поднялся столб пыли, и сквозь нее стал виден быстро мчавшийся автомобиль. Не успел полк выровняться как следует, как автомобиль уже остановился на шоссе против него. Быстро соскочив с автомобиля, крупными, неестественными для его роста шагами невысокий человек направился к месту расположения полка. Это был генерал Корнилов. Высланный к нему навстречу штаб-ротмистр Фаворский предложил ему своего вороного красавца. Генерал Корнилов, быстро укротив нервного и горячего жеребца, вскочил на него с легкостью молодого джейрана, по меткому выражению туркмен, и галопом направился к замершему полку. В это время вырвавшийся и бегавший по полю жеребец нагнал генерала Корнилова.

Генерал, желая избежать несчастья, спокойно соскочил с лошади в тот момент, когда передние ноги нагнавшего коня были на его седле.

– Эй, молодец джигит! – пронесся шепот в строю среди туркмен, удивленных и пораженных хладнокровием генерала.

Это происшествие оставило глубокое и хорошее впечатление о первой встрече с генералом на туркмен.

– Этот генерал не из тех, которые боятся даже подойти к нашим лошадям! – говорили шепотом сзади меня стоявшие джигиты.

– Молчать! – приказал раздраженно, вполголоса мой командир пулеметной команды поручик Рененкамф, боясь что генерал может услышать их разговор в строю.

Подул сильный и холодный северный ветер. Моментально за облаками пыли скрылся, как бы за занавеской, лик солнца в то время, когда пешком с правого фланга полка вдоль фронта шел генерал Корнилов. Ржание лошадей, лязг оружия, приятный и мягкий звук нашего оркестра и гулкий дружный ответ джигитов, которые на приветствие генерала отвечали: «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство» (хотя такой ответ был отменен приказом № 1 в русской армии), – все это создавало настроение не только полку, но и жителям, которые, пугливо прижавшись друг к другу, смотрели на парад.

– Узнав, что вы все как один человек согласились идти на фронт, я был бесконечно рад. Я был уверен вперед в таком ответе, зная вас хорошо. У туркмен другого ответа не должно было быть! – закончил генерал Корнилов свою речь, остановившись в середине фронта.

Затем он обратился к Кюгельгену:

– Полковник, все ли – участники предыдущих боев?

– Часть из них участники, а часть новоприбывшие, Ваше Высокопревосходительство, – ответил Кюгельген.

Генерал Корнилов начал раздавать участникам боев георгиевские кресты. Частью раздавал сам собственноручно, а частью командир полка. Во время раздачи наград пулеметной

команде, почему, до сих пор, я не понимаю, его адъютант, штаб-ротмистр Черниговского гусарского полка Аркадий Павлович Корнилов, обратил внимание генерала Корнилова на моего жеребца (в полку были и получше моего). Мой жеребец был молодой, живой и очень нервный, только и всего. А перед ним стояли: премированный красавец-жеребец поручика Рененкампа и мощный красивый скакун, известный по всему Ахалу, – Сердара, и сказал:

– Ваше Высокопревосходительство, обратите внимание на этого красавца!

Мой жеребец в это время, готовясь к церемониальному маршу, нервничая, танцевал на месте.

– Да, правда! Что, этого жеребца вы из Ахала привезли? – задал мне вопрос генерал Корнилов, подойдя близко ко мне и пронизывая меня насквозь своими маленькими холодными глазами, и, получив ответ, приказал адъютанту сфотографировать меня.

– Хаджи Ага, зачем нам кресты? Разве мы и без этого не пошли бы?! – сказал один пожилой туркмен вполголоса.

– Эй, тага (отец), разве ты не знаешь поговорку, которая гласит: «Если тебе аллу адам (великий человек) камень даст, ты должен принять его как золото», – ответил кто-то.

Вдруг пошел такой проливной дождь, что в двух шагах буквально ничего не было видно. В этот момент пулеметная команда должна была пройти церемониальным маршем. Несмотря на такой сильный и крупный дождь, генерал Корнилов оставался на своем месте до тех пор, пока не пропустил всех. Парад кончился. Автомобиль помчался, увозя генерала с холодными и пронизательными глазами, когда головной эскадрон полка рысью въезжал в Пичинежин.

– Бэ, Хаджи Ага, и язык мой промок от этого проклятого дождя, – говорил мне Реджэб Гельдиев, унтер-офицер пулеметной команды, когда я, введя команду в помещение, собирался было уходить.

– Ну, какой из себя генерал, Ага? – спросил Мамет у Реджэба.

– Подожди, подожди, Мамет! Сейчас мой собственный нос мне кажется тяжелым! – ответил Реджэб, который в это время, как мокрая курица, вытряхивал воду из своего тельпека и снимал амуницию.

– Эй, Хаджи Ага, я скажу одно: два человека произвели на меня такое сильное впечатление за три года моей службы на фронте, – говорил Реджэб.

– Кто, кто? – раздалось несколько голосов.

– Один – Падишах, а другой – сегодняшний генерал. При виде Царя и этого генерала у меня дрожь пробежала по спине! – закончил он.

– Бэ, вот и я об этом тоже хотел сейчас сказать. Как он, легко укротив жеребца Фаворского, сел на него и так же хладнокровно сошел с него, когда конь вестового командира полка хотел укусить его.

– А глаза его как колят человека, когда он смотрит, – вмешался кто-то, с жаром рассказывая о генерале и торопливо делясь впечатлениями.

– А несмотря на такой сильный проливной дождь, он в одном кителе оставался в поле до тех пор, пока не пропустил мимо себя весь полк! – вмешался Хан Мухамедов.

Я соглашался с ними, удивляясь немного тому, что такие пустяки иногда врезаются в память и оставляют неизгладимые следы.

– Он как настоящий туркмен, чисто говорит по-нашему, и знаете, что он у меня спросил по-туркменски? – вмешался Бэшим.

– Что, что? – раздалось голоса любопытных.

– «Без чала (верблюжьего молока) и гёок-чая, наверно, брат, тебе скучно?» – спросил генерал меня, – ответил Бэшим.

– Бэ, бэ, – удивленно протянули слушатели и добавили: – Если он наш гёок-чай знает, то и туркмена хорошо знает.

– А где же для меня крест? Я ведь три года на фронте и в боях участвовал, а меня обопили, – обиженно говорил кашевар Мамет, увидев, что некоторые джигиты имеют кресты.

– Если, Мамет, этот яранал (генерал) знает о существовании гёок-чая и верблюжьего молока, так и о твоём существовании тоже будет знать! – успокоил его кто-то серьезно.

В это время вестовой Баба пригласил меня к Сердару, у которого я обычно обедал.

Такое впечатление произвел на джигитов пулеметной команды в этот день маленький (по росту) генерал с большой душой и с пронзительными глазами!

На офицеров нашего эскадрона генерал Корнилов никакого впечатления не произвел, – так все они были поглощены развивавшимися событиями. За обедом говорили о наградах, о погоде, ругали начальника команды связи за то, что его большой нос ни к черту не годится и что он потерял способность узнавать носом на расстоянии местонахождение спирта и благодаря этому сегодняшний обед кажется невкусным, сухим и никому в горло не лезет. Хозяин носа на это горячо запротестовал, доказывая присутствующим неосновательность их недовольствия и говоря, что нос его ничуть ему не изменил, а по-прежнему добросовестно и энергично служит ему верой и правдой, находя все новые и новые источники спирта. В доказательство своих слов он, к общему удивлению и удовольствию, вынул из постели Сердара спрятанную от Арона бутылку спирта.

Спирт тотчас же был разбавлен водой и поставлен на стол. Настроение у всех сразу стало праздничным, глаза засверкали и потерянный аппетит тотчас же явился. Первая рюмка живой влаги была выпита за многолетие носа и его хозяина. Таким образом, в этот день обед сопровождался веселыми рассказами, анекдотами и воспоминаниями его участников.

На позицию!

Первая половина июня 1917 года.

Настал день, когда полк должен был оставить местечко Пичинежин и выступить на позицию. Жители провожали полк как своих родных. Объясняется это тем, что туркмены, получая все продукты натурой, делились с теми семьями, в которых они жили, неся домашнюю работу наравне с хозяевами дома и нередко давая своих лошадей для полевых работ и для развода молодого конского поколения. С другой стороны, живя с русинами вместе, они не давали обижать последних солдатам, проезжавшим как на фронт, так и обратно.

– Дай Бог вам благополучно добраться домой! – кричали жители вслед уезжавшим на позицию туркменам.

Все жители Пичинежина шли провожать нас далеко за местечко. Туркмены тоже с болью в сердце покинули эту стоянку.

Было великолепное июньское утро, когда полк вытянулся справа по три и пошел по шоссе из Пичинежина на позицию. Солнце палило своими прямыми лучами, когда мы, отъехав верст сорок от Пичинежина, остановились в полдень на привал. Сразу появились огни и тотчас же были приставлены к ним тюнчи (медные, чугунные чайники), и туркмены, вытащив из своего хоржума хлеб и чай, принялись быстро утолять свою жажду. Ржание лошадей и веселые разговоры, сопровождаемые веселым смехом, превратили пустыню в ярмарку, где жизнь была ключом.

– Заводных лошадей прикажите отправить в обоз в распоряжение полковника Григорьева! – приказал командир полка Кюгельген.

Мой начальник пулеметной команды поручик Рененкампф приказал мне, чтобы я исполнил приказание командира полка и выслал лишних заводных лошадей из нашей команды в обоз.

– Что это за личности у заводных лошадей? – спросил я вахмистра пулеметной команды. Тот замаялся и начал плести какую-то ерунду. Я потребовал точного ответа. Покраснев до ушей, вахмистр ответил, что пулеметная команда везет с собой несколько женщин, на которых джигиты успели жениться во время стоянки в Пичинежине и даже некоторые из них ожидают детей.

Каково было мое удивление, когда я узнал об этом! Оказывается, туркмен, нарядив свою жену в мужское платье и посадив ее на заводную лошадь, вез с собой, надеясь, что в таком костюме его жена будет незаметна в общей массе и таким образом проскользнет от зорких глаз командиров, а при первой возможности он сдаст ее в обоз. Тотчас же я приказал отправить женщин в обоз третьего разряда.

Полк выступил дальше. На ходу курились чилимы, пился чай, затянулись заунывные песни степняков. Разговор и смех. Все это имело своеобразную прелесть и давало особую окраску полку. Невольно я мысленно ушел в Таш Хауз⁴ и вспомнил, что когда-то мой отец тоже ехал, как и я теперь, в поход, окруженный туркменами. В памяти моей проносились образы Акчи батыра, Сумак батыра, Мурат Казы и других соратников моего отца. Теперь, спустя шестьдесят лет, мне, его сыну, также было суждено ехать в поход, но не на иомудов, а на Великую войну народов и так же с батырами, но не с Акча Сумак и Мурат Казы, а Курбан Кулы, Шах Кулы, Беляк батыром, Баба Ханом и другими. Вот полк прибыл в австрийское местечко, Надворный, где он должен был заночевать (16 июня 1917 г.). Как только полк разместился, я пошел тотчас же в расположение 4-го эскадрона для того, чтобы помолиться с Курбан Ага, у которого я застал муллу, ожидавшего меня. Стало темнеть. Подул легкий горный ветерок,

⁴ Глава из книги «В стране Бахадуров».

когда я сидел в кругу туркмен, приготовившись отведать жирного и вкусного плова, сваренного опытным Бемяк батыром.

– Бэ, бэ, – воскликнул внезапно Курбан Ага и начал читать молитву, подняв руки к небу.

Мы последовали его примеру. Подняв глаза вверх, я сразу понял причину молитвы – было полное затмение.

– Давайте сейчас же совершим намаз, прося Аллаха, чтобы Он смягчил свой гнев над несчастными и заблудшими людьми! – сказал Курбан Ага, предлагая мулле встать на свое место.

Молитва была окончена и сейчас же был подан почти остывший в ожидании нас плов.

– Балам, это затмение знак, что будет пролита кровь миллионов, миллионов людей. Когда мы впервые встретили уруса под Гёок-Тепе, также было лунное затмение. После, до взятия Гёок-Тепе, кровь лилась с обеих сторон рекой. После, спустя год, наступила сильная голодовка, поддерживаемая разными болезнями, которые увели за собой ни больше ни меньше как половину Ахала, – закончил Курбан Ага, то молясь, то поднося полную горсть плова ко рту.

– Люди заблудившиеся, люди грешные не знают цены благам, данным им Аллахом на этом свете, и грызутся, как собаки, друг с другом. Вот посмотрите на луну, кровь течет с ее лица, – говорил он, указывая подбородком на луну.

Действительно, луна была страшна в эту минуту. Мне показалось, что воистину кровь течет с нее. Она вся была ярко-багрового цвета и хмуро смотрела вниз.

Перед боем

Рано утром полк выступил из Надворного дальше. Кругом была очаровательная картина: леса, горы, покрытые снегом и зеленью, звуки журчащих вод и однообразные лица русин, попадавших нам навстречу из полуразрушенных деревень, – все это создавало какое-то особое настроение. Жара достигла своей кульминационной точки, когда полк сделал привал. Во время этого привала к нам прибыла связь из третьей Кавалерийской казачьей дивизии с приказанием начальника дивизии присоединиться к ней для совместных действий против неприятеля. Через пять минут после выступления с последнего привала мы встретили головную часть дивизии. Здесь было семь наших полков, состоявших из разных национальностей: осетин, дагестанцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей, татар и черкесов. Их своеобразные костюмы, гортанные речи и заунывные звуки зурны, – все это было сразу заслонено появлением Текинского конного полка. Статные красивые туркменские аргамаки, высокие и стройные туркмены со своим молодцеватым гордым видом, с красивыми ятаганами в дорогой оправе, сразу приковали к себе внимание всей дивизии. Люди из дивизии, влюбленные в наших лошадей и оружие, начали ходить к нам во время стоянки, предлагая большие деньги за жеребцов и ятаганы.

Просьба офицеров была уважена, и командир полка разрешил продать некоторых лошадей, принадлежавших родственникам джигитов, давно уволенных из полка и живущих в Ахале.

– Эй, Хаджи Ага, очень неприятно, что эти персы присоединились к нам. Я знаю их с прошлого года. Куда бы они ни пришли, там трава не будет расти. Все опустошают, грабят кур, баранов, деньги, насилуют женщин. Если эти люди пройдут мимо кладбища, так после не досчитаешься двух-трех покойников. Все эти гадости потом лягут на нас. Я боюсь, что дурной пример может заразить и наших джигитов. Когда-то ты сам говорил, что если поместить аргамака и осла рядом в одной конюшне, то через некоторое время и аргамак станет ослом, т. е. очень быстро приобретет все отрицательные качества, свойственные ослу. Вот увидишь, Хаджи Ага, через два-три дня пойдут грабежи и насилия, которые будут свалены на наш полк, – ворчал недовольный Курбан Ага.

И действительно, куда бы мы ни приезжали, жители бежали от нас, а если оставались, то не хотели ничего нам продавать и на все наши вопросы отвечали одним словом «нима».

Вот мы подъезжаем к полосе боевой зоны. На пути попадаются убитые и раненые. Солдаты, стоявшие на горке, предупреждают, что площадь, на которую мы направляемся, обстреливается сильным артиллерийским огнем противника. Действительно, впереди, куда мы должны были проехать, была сильная артиллерийская канонада. На дивизию была возложена задача маневрировать и при удобном случае атаковать неприятеля и его батареи. Перед этим нам дали десятиминутный отдых.

– Хаджи Ага, прочти нам молитву перед боем и говори, что хочешь передать своим родным! – говорили джигиты, группой подходя ко мне и пожимая друг другу руки, как будто перед долгой разлукой.

– Эй, Аман Дурди, вынеси меня, если буду убит или ранен! – слышалась чья-то просьба.

Бронзовые лица джигитов были сосредоточены. Лошади, услышав знакомую им музыку – разрывы «чемоданов», нервно перебирали передними ногами, кусая удила. Во время выстрелов аргамаки наостряли уши, поворачивая головы в ту сторону, где давалась очередь из орудий, прижимали хвосты и уши, когда снаряды или разрывались, или же с визгом перелетали через наши головы. Стоял такой гул, что люди принуждены были кричать, если хотели сказать что-нибудь друг другу.

– Что же ты режжэ (ремень, соединяющий рукоятку ятагана с ножной) не освобождаешь? Потом будет поздно, – кричал один джигит другому.

Ремень этот служит для того, чтобы горячий джигит без нужды не вытаскивал свой ятаган, рукоятка которого, будучи прикреплена этим ремешком к ножнам, не дает вспылчивому джигиту вытащить его моментально, а требует две-три секунды для освобождения. Это придумано старыми опытными туркменами для того, чтобы горячий джигит в эти две-три секунды мог еще раз подумать, что он хочет сделать, да и присутствующие в это время могли бы его удержать.

Одни пробовали ятаганы, другие поправляли винтовки, висевшие за плечами. Некоторые целовали и гладили своих лошадей, как бы прощаясь с ними или прося их не осрамить и вывезти благополучно с поля брани. Беспрерывные разрывы снарядов, сверкание оружия, ржание коней, сосредоточенные лица джигитов создавали мрачную боевую обстановку.

– Эй, слава Аллаху, балам, – сказал Курбан Ага, подходя и глядя меня по лбу.

– Что такое, Курбан Ага? – спросил я его.

– Мне кажется, балам, что сегодня тебя сохранит Аллах.

– Откуда ты знаешь? Разве ты Аллах? – рассмеялся я.

– Я узнаю свойственным мне инстинктом людей, которым суждено сегодня умереть: у них особые лица бывают.

– Какие же, Курбан Ага? – спросил я, удивленный его словами.

– У них на лице бывает тонкий налет особой пыли, которую мы называем могильной. Эта пыль скорее похожа на пепел, – закончил Курбан Ага.

– Правду говорит он! – потом подтвердил мне Баба Хан, когда Курбан Ага отошел от меня. – Этот старик перед одной атакой многим из своих друзей предсказал, кто останется в живых, а кто будет убит.

После слов Курбан Ага я невольно вспомнил слова того старика, который предсказал мне мою будущность во время моего пребывания в Хиве после производства меня в офицеры.

Атака

«Садись! Полк эшелонным порядком, на пять лошадей дистанция... Головной эскадрон за мной! Пулеметной команде следовать за головным эскадроном!» – раздался мощный голос командира полка Кюгельгена.

Тронулись. Вмиг в воздухе засверкали ятаганы. Взоры всех были устремлены вперед. Пики взлетели наперевес. Поднялись на гору. Вся площадь, в длину верст пять приблизительно, была перетянута забором пыли, и что творилось за этим забором, мы не могли видеть.

«Бабах... бабах... ух... крик, крик!» – лопались с грохотом тяжелые «чемоданы». «Пью... бабах»... опять «пью бабах, пью, пью»... разрывались шрапнели над нами, когда мы подходили к забору вплотную и туркмены закричали: «Алла!» В воздухе стоял гул. Душу давила какая-то тяжесть, затруднявшая дыхание. Глаза наливались кровью.

– Корнет Ха-а-джиев со вторым взводом пулеметной команды влево! – кричал во все горло, почти что подъехав ко мне, мой начальник.

Неприятель, заметив движение вперед целой дивизии конницы, еще больше усилил артиллерийский огонь. Во время исполнения мною приказа моего начальника глазам моим представилась удивительно красивая картина, не исчезнувшая из моей памяти до сего дня. Целых восемь конных полков в развернутом порядке приближались к полосе пыли. Тысячи сабель в руках всадников как бриллианты сверкали на солнце. Длинная сплошная лента конницы двигалась могучей волной вперед. До этого момента никогда не выдавший такого количества конницы в одном месте, я поражался этой могучей силе. Мне казалось в это время, что она своей массой может все смести со своего пути и никакой выдержанной пехоте не устоять перед ней.

– Хаджи Ага, ты ранен? – раздался голос мчавшегося рядом со мной младшего унтер-офицера третьего эскадрона, указывающего знаком подбородка на шею моего жеребца, который в это время, подняв высоко шею, нервно рвался из галопа в карьер. Я, быстро взглянув на шею моего коня, увидел, что вся шея в крови: оказывается, я ранил его моим же ятаганом, который держал перед собой, перерезав ремни трензеля и мартингала. Требовалось много усилий и осторожности связать ремни. Мое счастье, что джигит заметил вовремя, так как разогряченный и освободившийся жеребец мог бы понести меня и разбить насмерть. Не успел я исправить беду, случившуюся с моим конем, как в самую гущу моего взвода попал шестидюймовый снаряд, от разрыва которого были опрокинуты три мула, навьюченные пулеметными патронами. Один за другим начали падать сброшенные воздухом всадники. Противник усилил огонь и стал метко попадать в ряды дивизии. Она метнулась сначала вправо, через некоторое время сбилась в кучу, потом в беспорядке бросилась влево. Ряды ее начали таять с поражающей быстротой. Вот и мы вошли в облако пыли. Здесь я ничего не помню, кроме того, что ежеминутно рвались то над головой, то вокруг меня снаряды. Неприятель в этот день своим огнем рассеял нашу кавалерию, и вследствие этого и благодаря быстро наступившей темноте мы не дошли до его батареи.

– Полку приказано перебраться немедленно под Станиславово! – сообщил нам комендант полка, как только мы сосредоточились, выйдя из обстреливаемой местности.

Не медля ни минуты, мы двинулись. Пришлось ехать всю ночь рысью, чтобы поспеть утром к условленному месту для атаки неприятельской пехоты. Изнуренные, голодные и все в грязи, к трем часам утра мы прибыли под Станиславово. Участок, предназначенный для нашего отдыха, оказался кладбищем, которое было все изрыто огнем неприятеля. Среди развороченных гробов и груды костей нам пришлось провести остаток ночи. Отдохнуть не пришлось, так как все время стоявшая поблизости наша батарея стреляла без умолку, и лошади при каждом залпе, как бешеные, становились на дыбы и металась из стороны в сторону. Ясно,

что в этой обстановке не приходилось даже мечтать об отдыхе. Каждый из нас с нетерпением ожидал время атаки, которая, к великому сожалению, не состоялась, так как, говорили потом, был упущен момент, неприятель, почуяв присутствие конницы, под прикрытием своей артиллерии успел отступить. Брошенные вдогонку, мы ничего сделать не могли, кроме того, что еще больше утомили себя и лошадей. Судя по следам, оставленным неприятелем, можно было судить, что он просто бежал: вся дорога от Станиславова до Калуша (сорок километров) была покрыта трупами людей и лошадей, не говоря, конечно, об амуниции и других вещах, брошенных противником. Отмахав в этот день по лесам сорок километров, мы остановились перед Калушем, где в это время наша пехота насадала на арьергард неприятеля. В городе Калуше шел уличный бой.

– Эй, Хаджи Ага, когда же наконец кяфр (начальник дивизии) нам даст возможность настичь врага и напоить наши ятаганы? Что это за безобразие, уже третий день без остановки и отдыха шляемся, а все никак не можем дойти до врага! Он, как бы нюхом зная о нашем приближении, все уходит да уходит! – говорили старые джигиты полка. Молодые молчали.

– Эй, Зыкоу бояр, Сердар Ага (он находился в отпуске в Ахале)! Если бы вы были сейчас с нами, то не водили бы нас так понапрасну с одного места в другое. Вы инстинктом узнали бы, когда враг снимается с места, и вели бы нас на него. И поверь, Хаджи Ага, что мы не дали бы задержаться неприятелю в Калуше! – говорил кто-то.

Я мысленно соглашался с ними, но говорил им, что на войне требуется осторожность и хорошее знание своего врага.

– Хаджи Ага, осторожность хороша, когда ловишь блох, как говорит фон Кюгельген. По моему, на войне нужны умные, смелые и энергичные начальники, как у немцев. Посмотри, Хаджи Ага, ведь война длится с немцем уже 2½ года и, несмотря на свою малочисленность, они везде бьют нас раньше, чем мы его!! – говорил Гельди.

– Почему же это? – вмешался в разговор Сарик.

– Потому что у немцев смелые начальники, как были наши Сердары сто – двести лет тому назад! Наши Сердары со ста человеками нападали на десятитысячную армию персов и выходили из боя победителями, потому что они думали всегда напасть на врага первыми, для того чтобы выйти из битвы победителем. Так и здесь, немец взял инициативу поля сражения в свои руки и не дает нам опомниться, наступает да наступает, а наше начальство только и знает, что с десятиmillionной армией против одного миллиона – отступает да отступает!

Когда спрашиваешь о причине отступления, то нам объясняют все тем, что немец готовился к войне сорок лет, а мы только пять. Кто же мешал нам готовиться к войне с немцами? Ага, это обидно, когда вспомнишь, что шестидесятимиллионный немец, отлично подготовившись, бьет француза, англичанина и нас и не дает своим врагам мечтать о вступлении на его территорию, а не то что завоевать ее! Вот тебе пример: сегодняшний и вчерашний день. Ведь в общей сложности их против нас на участке, куда должны были направляться мы, не было больше трех-четырёх полков, а нас, восемь отборных, испытанных в боях, а не как у них – изнуренные запасные. Мы всегда опаздываем, а они везде успевают, – говорил Гельди.

– Откуда ты знаешь, что их было не больше трех-четырёх полков? – спросил Баба Хан у отчаявшегося туркмена.

– Бэй, Баба Хан, по окопам и по следам в окопах узнал. Люди сидели друг от друга в двадцати и в тридцати шагах! – ответил Гельди, быстро сядя на лошадь, услышав команду: «Садись!»

Гостинцы ребятишкам

Конец июня 1917 года.

Был уже вечер, когда мы подъехали вплотную к горевшему Калушу. Длинные языки огня лизали небо. В городе шел уличный бой. Засевший в городе неприятель сопротивлялся отчаянно – не на живот, а на смерть. Душераздирающие крики людей и животных долетали до нас со стороны города, волнуя наши сердца и наполняя их тяжелой горечью.

– Хаджи Ага, вот послушай, что говорит этот джигит, – сказал Курбан Ага, указывая на приведенного им джигита.

Оказалось, что любитель оружия из Дикой дивизии украл его ятаган, когда он отлучился из комнаты, чтобы накормить коня. Не прошло и минуты, как пришли еще туркмены с докладом, что у них пропали ножи и бурки. Рассказали также, что в деревне стоит форменный грабеж: всадники Дикой дивизии грабят и насилуют женщин, ничуть не боясь своих офицеров. При угрозе со стороны своих офицеров всадники отвечали им:

– Пойдем атак, так пуля пускаем тибэ в затылка!

По просьбе джигитов и командира полка нас отделили от них, и мы разместились дальше на одну деревню. Не успели мы закончить, как пошел проливной дождь, способствовавший тушению пожара в городе, который дошел в это время до своего апогея и грозил уничтожить весь город.

Было чудное утро, когда я получил от командира полка приказание, взяв с собой четырех всадников, занять шоссе и не пропускать ни одного солдата из города с узелками. Отобранное добро положить в такое место, которое не было бы доступно к повторному ограблению со стороны солдат.

– Стой! – крикнул я одному солдату, который нес громадный узел на спине.

Тот покорно подчинился, увидев вооруженных «косматых дьяволов», как они называли всадников Дикой дивизии. На мой вопрос, что он несет в узле и где его винтовка, солдат ответил, что в узле гостинцы для ребятишек, а винтовку он бросил, так как война окончена, – товарищи решили дальше Калуша не наступать.

– Беляк батыр, ну-ка развяжи, увидим, что он несет?! – приказал я сзади стоявшему джигиту.

Развязали узел, и я увидел следующие «гостиницы»: шестнадцать трубочек зубной пасты, 25 штук зубных щеток, 3 пары ботинок, 3 коробки грамофонных иголок, 15 коробок мази для сапог, 2 литра спирта, 5 пачек шнурков для ботинок, одна челюсть с золотыми коронками, 8 дюжин мыла, 2 плюшевых портъеры, 4 дюжины карандашей, 2 дюжины сосков, один таз и две алюминиевых кастрюльки.

– Положи-ка все гостинцы сюда, а сам убирайся к черту, а то прикажу расстрелять за мародерство, – сказал я уже бежавшему от страха солдату.

Меня сменил Кишик Казиев, от которого я узнал, что наш полк уже в городе и несет охранную службу.

Командир полка – командир города Калуша. В городе, обстреливаемом неприятелем, стоял такой грабеж, что не дай Аллах больше видеть никогда подобного ужаса! Доходило до того, что солдаты выбивали золотые зубы изо рта горожан г. Калуша. Аптекарь, у которого солдаты изнасиловали двух дочерей, ограбили аптеку и потом подожгли ее, сошел с ума и голый бродил по городу. Трупы немцев и австрийцев валялись на мостовых и горели в общем пожарище. От едкого и жирного дыма трудно было дышать. Ежеминутно снаряды врага падали в город. Шел проливной дождь. Нигде не было ночлега, так как в каждом доме было два-три трупа немцев или русских. Мебель и весь домашний скарб перевернут был везде вверх дном. В общем, кругом стоял ад!

– Ай, Хаджи Ага, я вижу, что война действительно окончена, ибо этого зверя-солдата теперь не повернешь обратно против немцев! – говорили туркмены.

– Мы вам, сволочи, покажем, как отбирать у солдат вещи. Подождите, вот сзади идут наши товарищи с пулеметами, скосят они вас с лица земли! – грозили нам солдаты, убегая с фронта делить землю.

В этот день распространился слух среди солдат, что в России начали делить землю. Потом я узнал от самих же товарищей, что с аэроплана бросали в расположение наших войск прокламации, где было сказано: «Солдатики родненькие, спешите по домам. В тылу начали делить землю».

– Бегите и спешите за землей! Для вас там приготовлена земля – каждому три аршина! – смеялись джигиты.

– Всякое зло и добро в этом мире не останется без последствий. За зло – злом и за добро – добром получишь. Посмотрим, пройдут ли безнаказанно вам эти вопли невинных душ, которые вы истерзали?! Слезы матерей, убитых во время грабежа?! Все это не простится вам Аллахом! Хаджи Ага, вот увидишь, что этот зверь сделает в России! Насилующий сейчас чужую девушку и убивающий мирных граждан, он потом будет насиловать свою сестру и убивать своего родного отца, так как потерял им облик человека и честного воина! – говорил Курбан Ага, поражаясь всем виденным.

Солдаты, узнав, что их «гостинцы» отбираются, начали обходить город, и кто через реку, а кто через леса бежали в Станиславово. Фронт за г. Калушем было оголен, так как солдаты, спеша домой, побросали свои винтовки. Начальник дивизии генерал Одинцов приказал нам спешиться и занять окопы.

– Корнет Хаджиев, берите второй взвод с одним пулеметом и займите позицию! – приказал мне начальник.

Как только был установлен пулемет, неприятель по нам открыл артиллерийский огонь. Выдали нас солдаты, которые «пачками» шлялись по полям сзади нас. «Ба-бах!.. Бух!» – разорвался первый «чемодан». «Ш-ш... ши... шу!» – шел за ним другой, который разорвался сзади нашего окопа шагах в пятидесяти. Не успела поднятая им грязь упасть обратно, как, шипя, прилетел третий и разорвался в окопе возле моего пулемета. Я, придя после этого в себя, слышу, что вокруг меня раздаются голоса:

– Жаль, Хаджи Ага, что ты не вовремя убит! Жаль, Ага, нам тебя! Ну слава Аллаху, слава Тебе! – говорили джигиты, увидев, что я жив и встал.

Тотчас отрыли пулемет, который был засыпан землей, но вторично установить его нам не удалось, ибо вскоре мы получили приказание немедленно сесть на коней и галопом идти к Каменец-Подольску для сосредоточения, так как неприятель пытается окружить нашу армию. Мы поспешили в город, где нам была передана телеграмма генерала Корнилова немедленно прибыть Текинскому конному полку в Каменец-Подольск для несения охранной службы штаба фронта.

Дом смерти

По приказанию командира полка мы тотчас же, покинув окопы и сев на коней, рысью отправились в г. Калуш, чтобы поскорее выбраться на шоссе, соединяющее последний со Станиславовым, так как город Калуш должен был быть занят снова немцами.

Была тихая лунная ночь. После дождя кругом пахло сыростью, когда мы въехали в город, почти что уничтоженный огнем пожара и солдатским разгромом. В городе нигде не было огня, ибо все оставшиеся в живых жители бежали в горы и леса, спасаясь от произвола солдат. По городу мы ехали шагом вследствие испорченности мостовых и изобилия лежавших на них трупов. Очень часто попадались громадные ямы, наполненные водой, – снарядами были разрушены водопроводы. Шоссе на Станиславово было занято беспорядочно отступающими солдатами, и нам пришлось ждать наступления утра, чтобы выбрать дорогу вне шоссе. Я остановился у одного дома, и жажда, мучившая меня, заставила войти в этот дом. За мной безотлучно следовал мой верный и преданный денщик Фока, боясь, чтобы я не упал после полученной мною контузии, которая давала себя чувствовать, – в голове моей все еще шумело, несмотря на то, что прошло уже три часа после получения ее. Вошли на террасу, с которой мы могли попасть в дом. Дверь на улицу была разбита и приспособлена для баррикады. На террасе стоял большой обеденный стол, на котором среди гор гильз был помещен немецкий пулемет.

– Ваше благородие, осторожно, здесь лежат убитые немцы! – предупредил меня Фока, освещая огарком путь, ведущий к дверям комнаты.

Здесь лежало три рослых немца в железных касках. Их искаженные лица говорили о долгих мучениях. Возле них сидела курица-наседка, испуганная дневным кошмаром и нашим появлением сейчас. Она со своими детьми была единственным живым существом в доме и как бы охраняла хозяйское жилье и эти трупы.

Вошли в столовую. Здесь опять я наткнулся на трупы. Вижу: лежат двое, один из них унтер-офицер, а другой – рядовой пулеметной команды, о чем я узнал по значкам на их рукавах. Оба они были пригвождены к деревянному полу штыками так сильно, что последние со стволами винтовок вошли в их тела. Видно, убившие их не в состоянии были вытащить винтовок или просто не хотели, и ушли, оставив их в таком положении. В столовой были лужи крови, в которых ноги прилипали к полу, когда нечаянно наступали в них. Один из убитых был еще совсем молодой и очень красивый. Белобрысый, с маленькими усиками, причесанными вверх, которые придавали ему скорее вид коммивояжера, чем солдата. Вокруг был страшный хаос. Валялась разбитая посуда. Шторы с дверей и с окон были содраны, а окна и двери разломаны и приспособлены для стрельбы с колена. Разбитые стулья, столы, скамейки придавали квартире больше вид маленькой крепости, чем жилого помещения.

– Ваше благородие, посмотрите, что здесь творится! – сказал мне Фока, обращая мое внимание на спальню, в которую вела дверь из столовой.

Я вошел в спальню, и глазам моим представилась следующая картина. Вся спальня была наполнена огромным количеством пуха, выпущенного из перин, приспособленных в виде баррикад. На полу лежали два рыжих немца, залитые кровью и засыпанные пухом. У одного из них полчерепа было снесено, очевидно, прикладом. Около головы на полу была масса крови и мозга. Большие жилистые руки с растопыренными пальцами распухли от прилившей крови. Тут же рядом лежал карабин и бомбы. На кровати лежал лейтенант. В первый момент при виде его я вздрогнул. Он не лежал, а скорее сидел поперек кровати, опираясь спиной на стенку. Ноги в коротеньких сапогах свисли с кровати, не доходя до пола. При тускло мигающем свете огарка мне показалось, что он зовет меня к себе, кивая своим подбородком. Глаза его сияли.

– Дай поближе свет, может быть, он еще жив! – приказал я Фоке.

– Нет, ваше благородие, он уже давно умер! – ответил тот, ударяя убитого по колену нагайкой.

Я подошел к нему и увидел две раны на груди: одна засохла и закрылась, из другой же вытекло столько крови, что вся постель и подушка вокруг него были покрыты ею. От тяжести его тела в перине образовалась яма, наполненная также засохшей кровью. Меня тронула его поза, в которой он застыл с надвинутой на лоб каской. В левой руке его была записная книжка, на которой лежала фотографическая карточка молодой девушки, а в правой карандаш. В книжке было написано кривыми буквами: «Marie, ich mus jetzt sterben» («Мария, я умираю»). Видно, он хотел что-то еще написать, но быстрые руки ангела смерти не дали сделать это. Полуоткрытые глаза его жадно смотрели на этот мир, как бы говоря: «Я еще хочу жить, я молод и еще раз хочу видеть свою Марию». Слезы набежали мне на глаза, когда я глядел на него, но, вспомнив, что он мой враг и что он, наверно, при жизни разбивал черепа моих братьев-воинов, я быстро выскочил на зов своего вестового, даже забыв утолить жажду. Джигиты садились на коней, чтобы тронуться дальше. Начинало светать, когда мы двинулись по направлению Станиславова.

Товарищи забавляются

От Калуша до Станиславова, как я уже говорил, 40 километров. Вся эта дорога была сплошь забита в беспорядке отступающими войсками. Каких-каких частей и кого-кого здесь только не было?! Огромное количество артиллерийских, обозных, санитарных и интендантских повозок загромождали путь, не давая пешему пройти вперед, не говоря уж о конных. Все эти повозки и путь были покрыты бегущими с фронта товарищами, имевшими на плечах огромные узлы с награбленным добром. Физиономии этих товарищей просили кирпича, как выражались они сами. Грязные, небритые, распухшие от недостатка сна, желтые. Грязные серые папахи были небрежно сдвинуты на затылок и из-под них клочьями выбивались сальные шевелюры. Ворота как рубашек, так и шинелей были расстегнуты. У некоторых пояса были одеты через плечо сверх шинели – все это считалось шиком и хорошим тоном у господ товарищей. Все они, как пешие, так и сидящие на возах, все время выплевывали шелуху от семечек, а не имевшие семечек жевали черный хлеб. Крики и стоны раненых, пискливенькие голоса сестер, защищающих своих раненых и повозки, грубая ругань солдат, покрывавшая голоса сестер и раненых, ржание лошадей, скрип телег – все это наполняло воздух сплошным гулом.

Нам во что бы то ни стало нужно было протиснуться вперед, несмотря ни на какие препятствия.

– Справа по одному! – послышалась команда.

Мы двинулись вперед, не обращая внимания на ругань товарищей, с завистью смотревших на нас.

– Видишь, товарищ, куроедов, такие-сякие! Когда нужно отступить, так они всегда впереди нас, – кричал кто-то, сидевший на возу.

– Да они, такие-сякие, так и воевали! Они в тылу жирных кур жрали, да хороших баб имели. Мы знаем этих воинов! – ругался другой нам вслед.

Мы продолжали путь, молча. Вся эта бесконечная масса людей, запрудив всю дорогу, стояла, не двигаясь ни вперед, ни назад, так как дорога от Станиславова до Каменец-Подольска была также забита живой пробкой.

– Спасите, спасите! – долетал до моих ушей женский голос, когда мы проезжали через одну деревню.

– Ой, Иус, ой, Иус! – кричала женщина.

– Что там такое? – спросил я через повозки солдата, стоявшего по ту сторону шоссе.

– Ничего! – ответил тот, почесав у себя в затылке.

«Бабах, бабах!» – послышались как бы разрывы шрапнели. Оказалось, что взвод солдат громил винную лавку, брошенную хозяевами (убежавшими из деревни, услышав о приближении зверей), а женщину-караульщицу успели изнасиловать. Дверь лавки была железная, и товарищи решили бросить бомбу, чтобы взорвать ее и таким образом проникнуть в лавку.

– Эй, что вы там делаете? – крикнул я, подъезжая к этой группе поближе.

Я ехал впереди по приказанию командира полка в Станиславово, для связи к князю Багратиону-Мухранскому, командиру корпуса, куда входила и Дикая дивизия.

– Да ничего, товарищи там забавляются! – был ответ со стороны товарищей, лежавших поблизости громимой лавки и беспрестанно выплевывавших шелуху от семечек.

Товарищи-разгромщики, узнав по особой сигнализации от своих товарищей о приближении «косматых дьяволов», как будто в воду канули. Подъехав к лавке со своими джигитами, я увидел ту же картину, что и в Калуше. В лавке все было перевернуто вверх ногами.

Я с трудом пробрался в Станиславово, так как все дороги были заняты войсками. По прибытии в Станиславово я тотчас же отправился к князю, жившему в роскошном особняке. Он очень ласково принял меня и в числе с другими офицерами любезно пригласил отобедать

с ним. Обед начался и кончился оживленной беседой. По окончании обеда князь ушел, но беседа продолжалась. Кто-то, между прочим, рассказал нам, что на днях к князю явился какой-то тип в галошах, с зонтиком и маленьким чемоданчиком под мышкой. Сначала он принял его за коммивояжера, и каково было удивление князя, когда этот тип отрекомендовался Гучковым и попросил принять его в один из вверенных князю кавалерийских полков. Князь был поражен нахальством Гучкова, явившегося к нему с подобного рода просьбой после того, как этот господин подписал приказ № 1.

Выслушав его просьбу, князь дал понять Александру Ивановичу, что он не может исполнить его просьбу, не заручившись согласием офицеров того полка, куда желает поступить г. Гучков.

– Ах, сволочь! – вырвалось невольно у одного из слушателей.

– Подождите, господин полковник, я еще не окончил! – обратился рассказчик к полковнику генерального штаба, произнесшему это слово.

Сделав два-три глотка хорошего венгерского вина, рассказчик продолжал:

– Несмотря на деликатный отказ князя, Гучков упорно и нахально настаивал на согласии князя, мотивируя тем, что он все-таки бывший военный министр.

– Ну, что с того, что вы были военным министром?! Сухомлинов тоже бывший военный министр, а сидит в тюрьме, – ответил князь.

– И что же этот нахал после таких слов князя? – спрашивали офицеры,

– Конечно, ничего! Ему ничего и не осталось, как взять свой мокрый зонтик, надеть грязные галоши и обратиться к черту!!

Все расхохотались, кроме одного полковника генерального штаба, который очень серьезно сожалел о том, что эта личность пришла к князю в его отсутствие, так как он ничуть не постеснялся бы приказать спустить Гучкову штаны и всыпать пятьдесят горячих нагаек по тому месту, где спина теряет свое благородное название.

Начало конца

В Станиславове в это время поднялась беготня и шум. В некоторых местах города слышались взрывы. Началась кое-где и одиночная стрельба. Приехавший из полка ко мне туркмен сообщил, что немцы приближаются к Станиславову и среди войск паника, а чтобы еще больше усилить ее среди бегущих товарищей, немцы с аэроплана бросают бомбы и обстреливают их из пулеметов. В городе произошла тоже паника. Все улицы были запружены госпитальными, артиллерийскими, обозными и интендантскими повозками. Все были нервно настроены и растеряны. Крик скачущих казаков, брань солдат, мольбы интендантских чиновников, обращающихся к солдатам о спасении казенного имущества, – все это создавало хаос и еще большую панику. Какие-то темные личности кричали о скором приближении немцев и без того взвинченной толпе. Узнав об этом, князь приказал вывести все конные части из города и сосредоточить в трех верстах от него, куда обещал вскоре прибыть и сам. Текинскому полку князь приказал идти туда же.

Получив приказание от князя, я выехал навстречу полку, чтобы передать последний приказ князя командиру полка. Кстати, скажу, со Станиславовом товарищи не смогли поступить так, как с Калушем, ибо здесь жители, австрийцы и немцы, не так легко дали на разграбление свое имущество, имея у себя оружие. Этим-то оружием и провожали жители бегущих товарищей.

С трудом пробравшись к приближавшемуся к городу полку, я сообщил командиру полка о приказании князя и о том, что видел в городе. Полк направился к условленному месту. Мы принуждены были ехать по полю, так как дорога была забита, о чем я говорил выше, отступающей толпой.

Вот показался Дагестанский полк во главе с князем. Головная сотня, имевшая музыкантов, играла на своих зурнах и била в барабан. В это время в городе начался пожар – горело интендантство. Доносимый ветром едкий дым давал знать, что горела кожа и одежда.

– Товарищи, берите кто что может, а то горят сапоги, одежда, амуниция и вообще всякое добро. Чай, сахар и сливочное масло обливают керосином. Ради Бога, берите, кто что может, а то все даром достанется немцам! – кричали прискакавшие из интендантства солдаты и чиновники.

– Куда к черту нам ваш чай, сахар и масло, когда здесь сидишь и думаешь, как бы самим отсюда поскорее выбраться подобру-поздорову?! А они, сволочи, такие, сякие, раньше, когда мы сидели в окопах, ничего нам не давали, а теперь кричат: «Спасайте и берите!» Пусть все пропадет, а вместе с ним пропадайте и вы! – отвечали солдаты.

Все сидевшие на возах и стоявшие на шоссе солдаты были враждебно настроены против чиновников армии. В их взглядах я читал, что они за все эти беспорядки будут мстить всем тем, кто, по их мнению, явился причиной. Со стороны города доносилась стрельба. Дивизия стояла на месте, ожидая присоединения конных частей. Текинский полк готовился к отбытию дальше – в Каменец-Подольск. В это время откуда ни возьмись, с криком, стрелой пролетела верхом на лошади мимо дивизии сестра милосердия с распущенными волосами. Очевидно, лошадь, почуяв на своей спине неопытного седока, решила сбросить его. Сестра взывала о спасении. Выделенные из дивизии на поимку скачущей лошади всадники развели такую тревогу среди лошадей нашего полка, что сумятица поднялась по всему полю. Не было конца брани туркмен по адресу виновницы этой неожиданной тревоги.

– Разак-бек, вы когда-то спрашивали меня, что называется паническим бегством? Вот то, что вы сейчас видите, называется так, – сказал поручик Раевский, подходя ко мне.

– Садись! – слышалась команда.

Мы тронулись в путь. В одном месте, в глубоком нашем тылу, группа аэропланов неприятеля сбросила на нас несколько бомб и, обстреляв из пулеметов без ущерба для нас, быстро исчезла. Проехав двое суток, мы решили к вечеру остановиться в местечке, кажется Чертково. Место для ночлега я, мой вестовой и денщик выбрали около свиного хлева одной хаты, так как везде было битком набито солдатами. К хате, близ которой мы остановились, ежеминутно подходили и уходили солдаты с дороги, спрашивая то хлеба, то молока. Хозяйка хаты, женщина средних лет, имевшая двоих детей – девочку восьми лет и мальчика Петю, как называл его мой денщик Фока, одиннадцати лет, который приносил нам тайком хлеб и молоко, – стоя на пороге дома, отвечала приходившим солдатам: «Нима млека, нима и хлеба». На вопрос моего денщика, почему она не спит, хозяйка отвечала, что вчера ее обокрали солдаты и она теперь сторожит дом, не желая их впускать в него.

Все шоссе длинной лентой искрилось то мерцавшими, то исчезающими в ночной темноте огоньками от закуривания папирос.

После нескольких дней, проведенных без сна, поевши, я задремал. Проснувшись перед рассветом, я отправился к моему начальнику за дальнейшими инструкциями. Возвратясь назад, я застал перепуганного денщика, который встретил меня словами:

– Ваше благородие, случилось несчастье!

Я быстро взглянул на своих лошадей и, увидев их, немного успокоился и спросил, в чем дело.

– Ночью кто-то убил хозяйку, ограбил все дочиста и увел двух свиной и корову, которая кормила ее и детей...

Я бросился в дом, и глазам моим представилась картина. В луже крови лежала хозяйка, на ее груди плакала девочка. Петя сидел, забившись в угол, и бессмысленно смотрел на всех приходивших для осмотра.

– Петя, кто убил твою маму? Почему ты не прибежал к нам за помощью? – спрашивал я и другие пехотные офицеры, тоже ночевавшие близко от хаты.

– Нима, нима! – бессмысленно отвечал мальчик, избегая разговора.

Все платье девочки было испачкано кровью матери. Она не могла ничего говорить, потеряв голос от рыданий. Комнаты были ограблены дочиста. На кровати уже не было тех подушек и покрывала, которыми я любовался, впервые увидев их. В доме все было перевернуто вверх дном. На полу валялись осколки горшков. Очевидно, искали молоко и, не найдя, со злости разбивали посуду. Убитая лежала с раздробленной ключицей и пробитой головой. От сильного удара топором глаза выскочили из орбит. Тут же, рядом с убитой, в луже крови лежал топор. Убитая была в ночной юбке, которая то вздувалась, то опускалась от ветра, проникавшего в комнату из окна и дверей. Детей куда-то забрали. Дом, в котором несколько часов тому назад была жизнь, превратился в могилу.

– Бедняжка несколько дней тому назад получила от мужа, военнопленного в России, письмо, который писал ей, что скоро война окончится и он приедет домой, чтобы забрать ее и детей и вернуться в Россию. Живется ему в России хорошо, и русские лучше, чем немцы, писал он, – сообщил моему денщику сосед убитой перед нашим отъездом.

С тяжелой душой я покинул этот дом. «За зло – злом, а за добро – добром получишь в этом мире!» – вспомнились слова Курбан Кулы.

Быть может, муж этой женщины теперь в рядах Красной армии убивает сотни женщин и детей, не шевельнув ни одним мускулом лица, мстя за смерть своей жены и за разбитое семейное счастье. Мне кажется, что это ясный ответ на вопрос, почему в чрезвычайках и в рядах Красной армии работают военнопленные.

В Каменец-Подольск

Первая половина июля.

На пути в Каменец-Подольск. Ясный солнечный день. Необъятные зеленые еще поля. На душе уныло. Перед глазами все еще крутится кошмар Калуша.

– Стой! – раздался голос командира головного эскадрона штаб-ротмистра Натензона.

Полк остановился на привал. Люди и лошади бесконечно счастливы этому случаю после утомительной и продолжительной езды. Появились огни, закурились чилимы (кальяны). Джигиты, некоторые, держа за уздечки своих лошадей, легли на спину, устремив глаза в безоблачное лазурное небо, предаваясь своим несбыточным мечтам, – уехать как можно скорее в Ахал, а там... там отдохнуть и, сидя вокруг очага в кибитке, делиться со своими тем, чему они были свидетелями в Великую войну народов, а рассказать у них было много. Другие весело смеялись, шутя друг с другом. Я, пользуясь стоянкой, отдав своего коня вестовому Бяшиму, подошел к группе офицеров головного эскадрона. Офицеры – кто лежал у канавы, а кто сидел. Один из них, поручик Раевский, читал газету «Русское Слово».

– Послушайте, послушайте! Ведь это очень смело сказано, да еще в такое время. Как красиво и сильно! Действительно! В самом деле! Наконец-то нашелся человек, который сказал всю горькую правду. Да здравствует генерал Корнилов! – говорил поручик Раевский, ударяя по странице газеты рукой.

В газете было написано: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства – бежит! На полях, которые нельзя даже называть полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах. Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой этих немногих изменников, предателей и трусов. Я, генерал Корнилов, заявляю, что отечество гибнет, а потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах для сохранения и спасения армии и для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, дабы не жертвовать жизнью героев, имеющих право видеть лучшие дни!»

Во время чтения газеты, помимо моей воли, слезы покатались из глаз. Предо мной рисовалась моя Хива со всей ее грязью, лезтью, ложью, во главе с ее правителями. Здесь те же самые темнота, честолубие, самолюбие, ложь, грязь. И в такой обстановке нашелся человек-пророк, пытающийся сказать ослепленным сущую правду, остановить их и направить на путь правильный. Эти слова газеты врезались в мой мозг, так как они исходили из глубины чистого сердца величайшего русского патриота и еще потому, что такое положение и одиночество я сам не раз испытывал среди пустыни и мрака в Хиве. Предо мной предстала как живая фигура генерала Корнилова, каким я видел его, когда он в первый раз приехал в наш полк и спросил меня, указывая пальцем на мою лошадь и в то же время пронизывая меня своими узкими глазами: «Вы эту лошадь из Ахала привели?» В памяти мелькнули слова джигита: «Бай, бай, Хаджи Ага, какие глаза у этого человека! Я встретил в жизни только двух таких людей, один – Ак-Падишах, а другой – сегодняшний генерал!»

Увидя его самого, я был пленен им, а прочтя его требование сейчас, я сказал себе: «Если Аллах не послал свой гнев на Россию и эти люди не ослеплены Им, то ты – пророк, а я твой верующий ученик! Ты один только спасешь нас! Если ты позовешь верующих, то я первый из них приду к тебе».

Я бы стоял в раздумье очень долго, если бы не голос Кишик Казиева, разбудившего меня как бы от сна.

– Хаджи Ага, нэмэ хабар (какие новости в газете)?

Я подробно объяснил ему и подошедшим джигитам, охотникам до хабаров (новостей), о чем я прочел. Я заметил одно, что по мере моего рассказа по лицам джигитов прошла дрожь. Джигиты то желтели, то бледнели и вздыхали, но слушали очень внимательно.

– Ай, Хаджи Ага, нэ билэн! (я не знаю!). Ты видишь эту гору? – указал мне нагайкой довольно пожилой туркмен на высокий холм.

– Да! – ответил я.

– Если я верю в свою внутреннюю силу, то я эту гору легко положу себе на спину, конечно, при помощи моих верующих, как и я, товарищей. Если же моя вера и моих помощников чуть поколеблется, то эта гора легко нас раздавит!

Все молчали.

– А я знаю, – раз у сары уруса (рыжего русского) голова ушла, то и душа вышла. Только Аллах знает, что тут с нами! Если Кярнилоу верит в свою силу, то он может поднять Россию на свои плечи. А ведь она большая и тяжелая, может его раздавить, даже если и не будет у него на спине, как сказал мой сосед, – закончил кто-то, тоже пожилой.

– Ай, Хаджи Ага! Как бы то ни было, поскорее бы приблизиться к родному Ахалу. Я боюсь, чтобы у нас не было того, что мы сейчас видели в Калуше! – говорили другие.

– Хаджи Ага, нэ хабар? – спросил, подойдя ко мне, Баба Хан Менглиханов, ударяя меня по плечу концом нагайки и указывая мимикой бровей в сторону своего эскадрона, где нас ждало немного спирту, разбавленного с водой..

Я рассказал Баба Хану о том, что читал сейчас в газете.

– Да, да у нас в эскадроне офицеры тоже читают газеты, но не говорят нам ничего, а нам неудобно спрашивать их.

– Что?! Домой в Ахал?! Ты думаешь, в Ахале тебе сары урус (рыжий русский) так и даст отдохнуть?! Наверно, придется записываться в аламаны и делать набеги как на персов, так и на русских, ибо государство разрушено, и все вооруженные банды хлынут назад и будут грабить всех и кого попало, беспощадно проливая кровь, так как они превратились в зверей в продолжение трех лет войны, – говорил Баба Хан, услышав о желании туркмен ехать домой.

Не успели мы положить каждый в рот по куску мяса и запить всегдашней спутницей походов – водкой, как послышался голос Натензона: «По коням!»

Поспешно сев на коней, полк двинулся дальше, в Каменец-Подольск.

Нарушенная идиллия

В жаркий июньский день мы въехали в Каменец-Подольск. Сады и поля кругом утопали в зелени. Весь воздух был пропитан каким-то особенным благоуханием. Казалось, в городе был праздник: нарядная публика, одетая в светлые платья, беспечно гуляла по городу.

– Скажите, пожалуйста, корнет, нам не надо еще бежать? Говорят, что с фронта хлынула волна солдат, сметая все на своем пути. Это правда? Мне-то это не страшно – я прожила свой век, а вот только боюсь за судьбу моих девочек! – Такими словами встретила меня хозяйка-старуха, в доме которой была отведена мне комната.

– Ничего подобного! Кто вам рассказал эти небылицы? успокаивал я бедную перепуганную старуху, когда она поправляла своими дряхлыми руками мою подушку на кровати, стоявшей в маленькой, для меня предназначенной комнате.

– В этой комнате и на этой кровати, молодой человек, будете спать вы. Эта комната моего милого сына, Коли. На днях я получила от него письмо с фронта. Он у меня старый кадровый офицер, и пишет он мне, что война для России кончилась и русский воин, потеряв лик воина, превратился в бунтовщика, предателя, зверя. Нет сил удержать его в руках. Потеряна в нем честь и совесть и... так далее. Как вы думаете, это правда? – спрашивала она меня.

И на этот раз я постарался ее успокоить. В то время когда я разговаривал с нею, в моей памяти пробегали одна за другой картины: разгром Калуша, сумасшедший аптекарь и его изнасилованная девочка, серая масса, выплевывающая шелуху от семечек, запрудившая всю дорогу, и, наконец, труп женщины, убитой солдатами!..

Комната моя выходила в сад окнами, через который проникало изобилие света и аромат роз. Не успел я привести себя в порядок после дороги, как получил приглашение хозяйки с ними отобедать. Поблагодарив, я вошел в небольшую, но уютную столовую. Вся она блистала идеальной чистотой, которая говорила о внимании и заботливости двух барышень, с которыми меня здесь же и познакомила мать. Одной из них, О., было лет 17, а другой, Н. – лет 16, обе блондинки, интересные, милые и на редкость внимательные. Обед продолжался довольно долго. В течение его старуха засыпала меня вопросами о фронтовой жизни. Продолжительность обеда и докучные вопросы хозяйки были, однако, для меня незаметны в присутствии двух очаровательных барышень. В этой обстановке я отдыхал всем своим существом после пережитых кошмаров.

Я взял на «мушку» Н. и за чашкой кофе попросил ее сыграть что-нибудь на рояле. Слушая музыку, я забыл все на свете и просидел в этом милом обществе до вечера.

Был тихий, лунный, летний вечер. Соловьи заливались без умолку, когда мы с Н. сидели в саду на скамейке, делясь впечатлениями – она о Москве, а я – о Каменец-Подольске. Каждое дыхание и каждое движение этого очаровательного существа волновало меня, в особенности, когда она обращалась ко мне и, встретив мой взгляд, застенчиво опускала свои красивые глаза. Взяв ее руку, я только хотел начать свои излияния перед нею, как в это время раздался бычачий голос моего денщика, зовущий меня, что нарушило начавшуюся идиллию.

– Я здесь! Не ори! – вполголоса отвечал я ему, боясь разбудить мать и сестру Н.

– Виноват, ваше благородие! – сказал Фока, увидев меня с Н.

Сконфуженный Фока торопливо доложил мне о прибытии джигита с приказанием командира полка явиться к нему. Нечего было делать, пришлось идти. Прощаясь со мной, Н. просила меня по возвращении от командира полка сообщить ей о причине вызова.

– Вам не все равно, что скажет мне командир полка?

– Значит, не все равно, – ответила она, спрыгнув с окна своей спальни внутрь комнаты.

На минуту я застыл на месте, ловя воздушные поцелуи, которые она посылала мне. Удивительно хороша была она в эту минуту! В белом платье, при ярком лунном освещении, в рас-

цвете своей юности, она напоминала мне утреннюю розу. Я невольно бросился к ней, но она, осторожно заперев окно своей спальни, исчезла внутри ее. Я посмотрел на часы, было три часа ночи. Я отправился к командиру полка.

– Вот что, корнет Хаджиев! Я получил из штаба фронта приказание послать туда к 8 часам утра 25 джигитов с одним офицером для охраны штаба. Поговорив с командирами эскадронов я пришел к заключению – послать вас. Извольте к семи часам утра с людьми быть готовыми! – закончил командир полка.

В то время, когда командир полка произнес слово «охрана», я невольно подумал об ответственности моей роли и о тех, кто пожелал доверить свою судьбу, а быть может и жизнь, мне. Пред моими глазами, как кинематографическая лента, опять пронеслись все ужасы творимых зверств, от которых теперь хотят защититься и просят помощи у кочевников-туркмен. Я знаю, что истый туркмен не выдаст обратившегося к нему за помощью, а скорее сам умрет. Как бы то ни было, выбор пал на мою долю, и я должен был, покоряясь воле Аллаха, идти, хотя от этого назначения я свободно мог отказаться, так как я был командирован от полка в Станиславово, к князю Багратиону, и командир полка мог бы назначить в очередь какого-нибудь другого офицера. Я хотел было об этом ему доложить, но почему-то язык не повернулся.

Выслушав командира полка и узнав о его намерении назначить мне людей по усмотрению командиров эскадронов, я, получив его разрешение высказать свое желание, указал на ответственность моей роли как офицера Текинского полка, на долю которого выпала эта трудная задача, и просил взять из полка тех людей, которых я хорошо знаю и на которых мог бы положиться в трудную минуту, а также просил увеличить число джигитов до сорока. Командир полка понял меня и, тут же согласившись, отпустил, обещав исполнить мою просьбу, предварительно поговорив с командирами эскадронов.

Я вышел. Было четыре часа утра – время намаза, и я прямо отправился к Курбан Ага. От командира я вышел в тяжелом настроении. На душе у меня лежала тяжесть, и мой верный спутник и барометр моей жизни – мое предчувствие, никогда еще не изменившее, теперь предсказывало мне что-то недоброе. Разум то был мрачен, то весело смеялся, указывая на мое легкомыслие и говоря: «Что ты воображаешь о себе со своими сорока отборными джигитами против грозы, силой Аллаха посланной на Родину в виде этих солдат-зверей с отнятым разумом. Ты – ничто! Захлебнешься в волне гнева Аллаха! Отстранись!»

Стоял тихий предрассветный час. Кругом была такая тишина, что, казалось, и вся природа спит, не желая нарушить эту очаровательную тишину. Свежий, чистый и слегка холодный воздух обволакивал и ласкал тело. Изредка доносилось пение пробуждавшихся птиц, которые словно ловили эту чарующую минуту, вознося хвалу Всевышнему Творцу. Сине-голубая часть восточного небосклона начала мало-помалу бледнеть, и звезды, искрившиеся, как осколки алмаза, стали прятаться за алой вуалью быстро восходившего солнца.

Придя к Курбан Ага, я застал у него муллу, и мы все втроем стали на молитву. По окончании намаза и после прочтения муллой обычной главы из Корана мои руки повисли в воздухе и губы шептали:

«О, Всемогущий Аллах, создатель меня и всего того, что вижу, мыслю. Хозяин моего разума, дав который, Ты сделал меня царем мира, а отняв его – сделаешь зверем, не понимающим цены, благ данных мне в этом мире. В эти тяжелые дни есть еще люди, верующие в Тебя, и они прибегают к нашей помощи, как утопающий хватается за соломинку, произнося Имя Твое и ища защиты. Если ты хочешь помочь, то эта соломинка спасет его. Мы сейчас представляем из себя эту соломинку, а Ты пошли помощь, укрепи нас. Помогни мне и моим людям!»

Чем больше я от искренней души молился, тем больше я чувствовал новый прилив силы и бодрости. Душе стало легче, и по ней пронеслась новая волна, отогнавшая всю душевную тяжесть, злую настойчивость разума. Сердце, разум и душа соединились в одно и крикнули мне: «Иди!» Эта светлая волна, примчавшаяся откуда-то ко мне в эту минуту, была – вера.

Я просил Аллаха послать ее в душу каждого из моих людей, чтобы каждый из них был ею ободрен и пошел верующим на свое дело, так же как и я! Аминь!

– Эй, Хаджи Ага, что-то опять с тобой неладно?! – заметил Курбан Ага.

Я рассказал ему подробно о предстоящей моей командировке и ее трудности в такое тяжелое время.

– От кого охранять и кого? От гнева Аллаха? Если Аллах будет хранить охранителей, то охраняемые будут сохранены. Я сам лично не пошел бы на это дело, тем более после всего того, что видел и как могу представить себе будущее, балам!

– А если, Курбан Ага, веруешь?

– Тогда другое дело, балам. Если ты веришь, то можешь совершать чудеса. Я укажу тебе, кого брать из 4-го эскадрона. Иди также к Кишик Назиеву, Танг-Атар Артыкову, Менгли Ханову. Они все укажут тебе на тех джигитов, с которыми ты спокойно можешь идти, куда угодно. После этого ты можешь просить командира полка их взять, с согласия, конечно, командиров эскадронов.

Я так и сделал. Все эти перечисленные Курбан Ага офицеры очень охотно пошли мне навстречу и дали слово и в будущем поддержать меня во всем, если от них это будет зависеть. В пять часов утра возвратившись домой, яразбудил Фоку и сообщил ему о новой перекочевке и приказал быстро собрать вещи.

– Что это, ваше благородие! – ворчал он. – Опять вас куда-то посылают вне очереди? Думал, хоть здесь немного отдохнете, а вот теперь опять собирай вещи! Неужели нет в полку других офицеров, которых могли бы назначить?! Еще с вечера старуха-хозяйка радовалась, что вы будете у нее долго жить и что вы ей с первого взгляда очень понравились, – рассказывал Фока, собирая вещи. – «Слава Богу», – говорила мне старушка, – продолжал Фока, – «что не какому-нибудь прапорщику отвели мою комнату, а человеку воспитанному, да еще корнету».

– Какая разница между прапорщиком и корнетом? Оба офицера – слуги родины.

– Никак нет, ваше благородие! Она говорит, что прапорщик раньше жил у нее и что большинство из них даже ложку в руках держать не умели. «А твой барин, говорит, когда надо было войти в столовую, спросил разрешение, а при входе предварительно вытер свои ноги о коврик перед дверью, а господа прапорщики об этом никогда и не догадались. “Раз звали на обед, надо идти и есть”, и с грязными сапогами шли в гостиную, куда их никто не приглашал. “Куда нам всех церемоний на войне придерживаться. При прямо, коль зовут, и ешь, как попало, – рассуждали они”, – жаловалась старуха.

– Ну, ладно, ладно! – прервал я разглагольствование денщика. – Собирай скорее вещи, а я хочу немного отдохнуть.

Первые лучи утреннего солнца освещали мою уютную комнату, где я предполагал счастливо провести несколько дней. На ночном столике стояли цветы, принесенные заботливой Н. В окно видна скамейка под черешней, где вчера мы так счастливо сидели вдвоем. Стоя перед окном, я призадумался. Из этого состояния меня вывел вопрос Фоки, спрашивающего, какую лошадь оседлать – серого или булана?

– Серого! – ответил я и опять задумался.

Я бы долго стоял в таком состоянии, если бы меня не пробудил женский голос, спрашивающий, зачем собираются вещи, так заботливо и долго расставлявшиеся вчера.

– Барин от вас уезжает! – услышал я голос Фоки.

– Как жаль, как жаль! Что так мало гостили у нас? – повторил тот же женский голос.

Выглянув в окно и увидав старуху-хозяйку, я поздоровался с ней.

– Что это вы вздумали так внезапно покидать нас, молодой корнет! Разве вам у нас не понравилось? – спрашивала старуха, подходя к моему окну.

Я сказал ей о моем назначении.

– Мы к вам как к родному успели привыкнуть. Вы не говорите барышням, что уезжаете. Они сегодня хотят приготовить вам ваш любимый пирог. Впрочем, когда вы уезжаете? – повторила опять свой вопрос старуха и, узнав, что сейчас, поспешно вошла в дом, чтобы позвать дочерей попрощаться со мной.

– Разак Бек, идите сюда! – послышался со стороны сада голос Н.

Я взглянул в окно и, увидев ее у окна ее комнаты, быстро спрыгнул в сад и подошел к ней.

– Я все слышала, что вы говорили маме, – сказала Н. В глазах ее стояли слезы.

– Н.! Н.! – звала мать со стороны запертой двери, желая разбудить дочь.

– Я сейчас, мамочка, – ответила Н., опускаясь машинально с подоконника.

Не прошло и пяти минут, как Н. вышла из своей комнаты. Она была слегка бледна, очевидно, от бессонницы.

– Что случилось, что так внезапно покидаете нас?

Я вкратце рассказал ей о причине моего отъезда.

– Очень жаль, что вы уезжаете, так как я за это короткое время успела привыкнуть к вам как к самому близкому человеку. Недаром говорится, что мимолетные и приятные встречи оставляют неизгладимый след. Ну, поезжайте куда хотите, только чтобы Господь Бог хранил вас везде, где бы вы ни были! – сказала она, всовывая мне в руку что-то завернутое в бумагу. – Храните эту вещь, она вам поможет в самые трудные минуты вашей жизни! – добавила она и, попрощавшись со мной, быстро ушла в дом.

– Н., ты куда? Разве ты уже попрощалась с Разак, – как ваша, молодой корнет, другая половина имени, я все забываю по старости, – говорила старуха, глядя по головке скучную О. – Вот видите, вот видите, как к вам успели привыкнуть в нашем доме, что даже тоскуют барышни! – продолжала старуха.

– Ваше благородие, лошадь подана, – прервал Фока эту сцену, подавая мой ятаган.

Сжимая в руке подаренную Н. вещицу, попрощавшись с матерью и О., я вскочил на коня и быстро выехал со двора дома гостеприимных хозяев.

– Ваше благородие, посмотрите на окно, барышня плачет! – сказал мне сзади ехавший Фока.

Оглянувшись и увидев плачущую Н., я послал ей последний прощальный привет.

У командира полка я застал всех эскадронных командиров.

– Каких вам джигитов надо и зачем именно выбирать их, когда вы должны отправиться в распоряжение штаба с теми, которых вам назначат сами командиры эскадронов! – с такими словами обратился ко мне подполковник Эргарт.

Выслушав его, я доложил ему о следующем:

– Я думаю, господин полковник, что моя роль, как начальника охраны, очень ответственна, а в особенности в такое тяжелое время, как сейчас; тем более что мне, как начальнику охраны, будут доверять не только имущество, но и жизнь, а потому я нахожу необходимым взять тех людей, которых я знаю.

Несмотря на приведенные доводы, полковник все же отказал дать мне отобранных джигитов из своего эскадрона.

– Ну что вы, корнет, говорите! Никакой опасности нет. Езжайте с теми людьми, которых назначит вам командир полка! – ответил он.

– Выбирайте из моего эскадрона самых лучших всадников, каких вы находите нужным взять, а если вы не знаете их, то я сам пойду сейчас в эскадрон и помогу выбрать их вам, корнет Хаджиев, – предложил ротмистр Натензон, командир 2-го эскадрона.

Командиры 3-го и 4-го эскадронов последовали примеру Натензона. Подполковник Эргарт, демонстративно обойденный командирами других эскадронов, то краснел, то бледнел, нервно крутя темляк «честно заработанного», как он говорил, оружия.

Начало службы великому бояру

– Хаджи Ага, нам кажется, что ты ведешь джигитов на праздник, так подобрал их и красиво нарядил, – смеялись Кишин Назиев, Баба Хан, Танг Атар Артыков и другие перед моим выездом в штаб.

– Я все это, друзья мои, не для того делаю, чтобы показать пышность моего приезда в штаб и богатство джигитов, а для того, чтобы первое наше впечатление вселило веру тем, кто ищет у нас защиты, и чтобы они свободно и спокойно могли работать, когда возле них – мы, – ответил я.

Ровно в 8 часов утра я прибыл в конном строю с моими людьми в штаб армии и, получив приказание явиться на вокзал, отправился туда.

Комендант станции представил меня коменданту поезда командующего армией – старому гусару, ротмистру князю Кропоткину, который приказал отослать тотчас же лошадей обратно в полк, а я со своими людьми должен был отправиться в поезде, так как командующий армией через час отбывал из Каменец-Подольска. Князь Кропоткин объяснил мне мою задачу, сказав, что я со своими людьми должен буду сопровождать командующего армией генерала Корнилова в Могилев. Джигитам был предоставлен вагон третьего класса, а мне купе во втором, рядом с князем. На мой отказ от купе и желание остаться с джигитами князь сказал, что начальник охраны поезда должен быть под рукой и ближе к командующему армией.

Джигиты своим видом, дисциплиной и оригинальностью костюма сразу привлекли внимание всех чинов штаба. Высокие и стройные джигиты были одеты в малиновые халаты.

Их гибкие фигуры в нарядных красивых шелковых халатах были туго-натуго перетянуты широкими толстыми туркменскими кушаками, за которыми были воткнуты пичаки (ножи) с белыми ручками. Сверх этого кушака находился серебряный пояс, украшенный разноцветными камнями, к которому прикреплялся ятаган. Красивые загорелые лица под большими черными папахами ежеминутно улыбались во время разговоров с чинами штаба, показывая ослепительно белые зубы. Услужливые, внимательные и на редкость симпатичные туркмены быстро завоевали симпатию всех чинов штаба, которые начали группами приходить, чтобы побеседовать с ними.

– В бою был? А пришлось ли тебе зарубить хоть одного немца? – спрашивал генерал Романовский стоявшего около вагона джигита.

– Так точно, Ваше Превосходительство! Трех! – отчетливо отчеканил тот.

– Да, Ваше Превосходительство, это не наши товарищи! На этих людей можно положиться и работать с ними! Не ошибся генерал Корнилов, поручив им охрану! – обратился к генералу Романовскому один из полковников генерального штаба.

Не прошло и часу после нашего приезда на вокзал, как подкатил большой автомобиль, в котором скромно сидел Уллу бояр (Великий бояр), как мне об этом доложил прибежавший дежурный джигит. Я вышел для встречи. Командующий, выйдя из автомобиля, крупными шагами направился к поезду. Поздоровавшись со мной и с парными часовыми, он быстро вошел в свой вагон, в котором был встречен своим сыном Юриком.

С этой минуты между ним и нами протянулась невидимая крепкая нить, связавшая его судьбу с судьбой сынов Ахала, которые с открытой душой пошли к нему, инстинктом чувствуя кристально-чистую душу своего Уллу бояра.

Поезд тронулся. Мое купе было битком набито офицерами, пришедшими полюбоваться моим оружием и молитвенным ковриком. Вошел ко мне и князь Кропоткин и, извинившись перед офицерами, пригласил к себе.

– Дзыбалдыкните-ка до дна, корнет! Это вам полезно перед обедом! – приказал он, преподнося мне полстакана коньяку, когда я вошел в его купе.

Он ни за что не хотел слушать мой протест. Я исполнил приказание князя и, выпив до дна, вернулся в свое купе. Со мной ехал один прапорщик пехотного полка, который тоже состоял в распоряжении князя. Нам подали обед, и мы вдвоем вмиг его уничтожили.

День был жаркий. Поезд мчался с бешеной быстротой, не останавливаясь даже на больших станциях, осаждавшихся в это время толпами товарищей, бежавших с фронта. Изредка поезд останавливался для пополнения паровоза водой. В таких случаях заранее вымуштрованные мною джигиты, с обнаженными ятаганами, выскакивали почти на ходу на платформу станции и, сделав три шага от поезда, круто поворачивались лицом к поезду, застывая в таком положении, не допуская никого близко без моего разрешения. Мною было категорически приказано им ни с кем из посторонних во время остановки поезда не разговаривать.

Такой способ появления джигитов на вокзале производил потрясающее впечатление на толпу. Товарищи, ожидавшие поезд и мечтавшие в него попасть, шарахались назад, дав друг друга, вмиг очищая платформу при столь неожиданном появлении джигитов со сверкающими ятаганами в руках, выскакивавших прямо на них. Все чины штаба хохотали, глядя на эту картину из окон вагона, и были очень довольны, что ни один товарищ не посмеет и мечтать не только сесть в поезд, но даже близко подойти к нему. Пока вся эта толпа приходила в себя, поезд успевал набрать воды и опять мчался вперед. Эта система очень понравилась князю, и он благодарил меня, говоря:

– Вы, корнет, как талантливый артист, сразу вошли в свою роль и поняли раньше, чем я успел вам сказать, что надо делать.

На одной из стоянок генералу Корнилову доложили о моей системе, и он вышел посмотреть на эту картину, которая ему так же понравилась, как и другим. Посмеявшись вдоволь над паническим бегством товарищей, он обратился ко мне с вопросом:

– Вы начальник охраны нашего поезда?

– Никак нет, Ваше Высокопревосходительство! – ответил я.

– А кто же? – удивился генерал Корнилов.

– Сначала Аллах, а потом я! – ответил я.

Генерал Корнилов улыбнулся и начал расспрашивать меня, какого я училища, был ли я в боях, есть ли у меня знаки отличия, кроме красного темляка. Уходя, задал мне вопрос, из какого я аула. Каково было его удивление, когда я ему ответил, что я хивинец.

– Как? Вы хивинец? – переспросил удивленный генерал и, получив удовлетворительный ответ, приказал генералу Романовскому что-то записать, а сам, уходя в вагон, о чем-то говорил окружающим его.

– Это еще небывалый случай... редкий экземпляр... – доносилось до моего слуха.

– Командующий приказал пригласить вас к общему столу, – сообщил мне князь, входя в купе, где я собирался обедать с моим спутником – прапорщиком.

– Посему, – продолжал князь, беря меня за кушак халата и таща за собой в свое купе, – извольте до дна! Что? Вы отказываетесь исполнить мое приказание?! Да еще приказание старого ахтырца!.. Сто пятьдесят прыжков! – приказал он, указывая мне место посередине купе.

Нечего было делать! Подобрал полы халата и ятаган, я пустился прыгать. На диване со стаканами вина сидела группа гвардейцев, хохотавших до упада, глядя на эту картину. Отмахав 150 прыжков, проклиная всех князей на свете, потный, я вмиг проглотил стакан коньяка, прямо, не моргая и смотря в глаза князя, как он приказал это сделать.

– А теперь по-приятельски перейдем с тобой на «ты» и пойдем отведать генеральский обед! – сказал он, целуя меня.

За обедом

– Садитесь! – коротко приказал генерал Корнилов, сидевший во главе стола, когда я вошел в столовую.

За столом сидело несколько человек генералов и полковников генерального штаба, прислушиваясь к рассказам генерала Корнилова, интересно и увлекательно рассказывавшего в продолжение обеда.

– Корнет, голубчик, как я рад вас видеть, да еще офицером! – воскликнул генерал Лобачевский и, обращаясь к генералу Корнилову, продолжал:

– Ведь он, Ваше Превосходительство, учился в 3-м Московском кадетском корпусе, директором которого был я.

– Что же, обрадовались, генерал, встретив своего воспитанника? – спросил генерал Корнилов, улыбаясь и крутя свою бородку с очень бедной растительностью.

– Еще бы не радоваться! – ответил генерал Лобачевский. – Ведь он первый офицер из Хивы, окончивший наш корпус!

– Да-а?! – протянул генерал Корнилов, крутя свой ус правой рукой, на безымянном пальце которой было одето два кольца: обручальное и кольцо с китайскими иероглифами.

Наступило молчание, нарушаемое только стуком колес быстро мчавшегося поезда. Все ожидали следующее блюдо. Сидевший визави со мной полковник генерального штаба Плющевский-Плющик крутил шарик из хлеба, бросая изредка на меня ласковые взгляды. Несколько минут генерал Корнилов задумчиво глядел в окно, как бы что-то вспоминая, и вдруг, резко повернувшись к присутствующим, заговорил:

– Знаете, какой курьезный случай произошел на фронте во время последних наступлений? Негодяи товарищи, находившиеся на передовой линии, поднимали ноги, давая, таким образом, знать сзади лежавшим солдатам о своем желании или нежелании идти в наступление. Когда мне об этом доложили, я поразился способности русского солдата придумывать такого рода сигнализации.

Во время этого рассказа на правой щеке его образовались три морщины, маленькие глаза сверкали и лицо имело бронзовый цвет.

Подали третье блюдо. Беседа снова оживилась, центром ее был генерал Корнилов. Интересно и увлекательно он рассказывал сцены и картины нравов из персидской истории, вспоминал произведения персидских поэтов, часто декламируя большие отрывки на прекрасном персидском языке, переводя их после слушателям. Меткость, изящество, богатство и остроумия цитат очень нравились присутствующим, и они с наслаждением слушали его рассказы. Желая перевести слова Фирдоуси, который говорил, что «смерть – это вино. Чашка, в которую оно наливается, – жизнь. Наливший – его судьба. Нет ни одного существа, которое бы не пило этого вина», генерал Корнилов на минуту задумался, желая сказать это на персидском языке. Я попросил разрешения напомнить ему слова поэта. После этого случая он перебрался со мной и другими красивыми фразами на персидском языке.

Не допив свой чай, генерал Корнилов неожиданно для всех поднялся из-за стола и направился в свой вагон, где находились его жена и сын, ехавшие вместе с ним в Могилев.

– Голубчик, иди сюда! – обратился ко мне князь на одной стоянке. – Прикажи своему дьяволу слезть с денежного сундука. Мне надо вынуть оттуда кое-что. Все мое старание спасти этого черномазого с сундука пропало даром, и он чуть не отправил меня на тот свет. На мое приказание сойти он ответил, что его может сменить только корнет Хаджи, а других он не слушает. Ведь я твой начальник, говорю я ему, а он мне свое: «Я бас нэ знает! Дабай карнэт Хаджи». Так вот, «карнэт Хаджи», давай-ка его сменим. Мне жаль его, что он 9 часов просидел на сундуке голодный. Но все-таки, голубчик, объяви им, что и я их начальник. А то я

ему приказывал, а он знай все твердит свое: «Дабай карнэт Хаджи, дабай карнэт Хаджи!» Фу, черт возьми! – говорил, часто дыша, слегка сердитый князь.

Окружающие хохотали над неподчинением «диавола» старому гусару. В ответ на смех офицеров князь оправдывался:

– Черт знает! Черный дьявол какой-то! Чего доброго выстрелит в тебя, если с ним свяжешься! Ведь языка не знаешь!.. А он все твердит свое!..

Оказалось, что забытый часовой, который должен был смениться через 3 часа, пробыл на своем посту в закрытом вагоне у денежного ящика 9 часов без еды и питья. Приказанию князя он не подчинился, потому что хотел сдать мне печать в таком виде, в каком принял от меня.

– Как я ему мог сдать сундук, когда я его не знаю, а печать сдал ты мне. Не дай Аллах, что случится, потом будут говорить, что я виноват! Лучше я сдам, Ага, тебе, а ты кому хочешь! – резонно заявил туркмен часовой, когда я ему приказал покинуть сундук.

В этот день князю суждено было подвергаться всяким курьезным неприятностям. На одной из остановок паровоз должен был набирать воды. Станция, по обыкновению, была запружена солдатской массой, ожидавшей поезд. Князь по какому-то случаю должен был пойти к коменданту станции. Солдаты, узнав, что едет командующий, но не зная, кто именно, бросились к князю со словами:

– Господин генерал, вы тоже, значит, домой? Стало быть, война кончилась?

Его гусарские погоны с зигзагом и наружность ввели в заблуждение солдат, принявших князя за Брусилова. Князю надо было прибегнуть к помощи туркмен, чтобы осадить эту «сволочь», как он выражался, придя в вагон.

По донесению контрразведки, наш поезд в пути должны были взорвать. Поэтому, не доезжая одной станции до этого места, мне было приказано ехать вперед с двумя туркменами на паровозе для исследования пути. Доехав благополучно и не найдя ничего подозрительного на указанной станции, мы возвратились обратно.

Поезд прибыл в Бердичев.

– Корнет, иди сейчас же явись тому полковнику, который собирается ехать с командующим! – торопил меня князь, указывая на полковника, вышедшего из вагона вместе с генералом Корниловым и направлявшегося к автомобилю. – Мне известно, что вы сопровождаете командующего. Сколько человек джигитов имеете с собой? Прошу забрать их в город, где для вас отведена квартира. За людьми по приезде в город я пришлю автомобили. Вы теперь состоите в моем распоряжении! – сказал полковник, которому я поспешил представиться.

Полковник этот, Владимир Васильевич Голицын, был истинно преданный генералу Корнилову человек и состоял при нем старшим офицером для поручений.

Прошло около трех часов, а обещанного автомобиля не было. День был жаркий и солнечный. Сад же у вокзала, в котором были приготовлены столы для обеда офицеров штаба, оставшихся в поезде, утопал весь в зелени и благоухании.

– Ты, брат, теперь ушел из моих рук! – шутил князь, сидя за столом в тени черешни, попивая вино, появившееся в изобилии во время обеда, – за отсутствием генерала Корнилова.

– Не знаю теперь, куда пристать! Вы не знаете, Ваше Превосходительство, кто поведет дальше поезд? – спросил князь у одного генерала, сидевшего рядом с ним.

– Это мне так же известно, как если бы вы спросили меня, куда вы теперь пристанете? – ответил генерал, пожимая плечами. – Насчет поездки дальше ничего не известно, но, по моему, генерал Корнилов скоро уедет отсюда дальше! – помолчав, полупшепотом, прибавил генерал, глотая понемногу красное вино.

– А что, Ваше Превосходительство, на Шипке беспокойно? – задал князь вопрос:

– Мне кажется, да! – последовал ответ.

После обеда я по обыкновению пошел к своим джигитам попить зеленый чай и поделиться с ними тем, что знал.

– Бэ, Хаджи Ага, сколько их! – обратился ко мне один из них.

– Кого? – удивился я.

– Да генералов, полковников этих! Куда ни посмотри – везде встретишь их. Кто же на фронте остался, Ага? Вчера со мной произошел, такой случай. Стоял я на часах. Подходит ко мне вон тот генерал, – указал подбородком джигит на одного из генералов, – и спрашивает, много ли у нас в полку джигитов, не желающих воевать? Я на него крикнул: «Не рэзгобарить! А то стрылэй чечас!» А он: «Карашо, карашо!» и быстро ушел.

– Ага, Уллу бояр совсем непохож на этих генералов! – вмешался другой джигит. В двенадцать часов ночи, когда я сменял часовых, он вышел на площадку своего вагона и показал часовым, как надо держать винтовку. На чисто туркменском языке бояр спросил меня, из какого я аула, есть ли у меня родные, чем они занимаются и чем я занимался до поступления в полк. Оказывается, он очень многих туркмен помнит, с которыми когда-то ездил в Афганистан. Из нашего аула он также знает несколько туркмен, сопровождавших его во время поездки по Ахалу. Каждое его слово кололо меня в сердце, и я говорил сам себе: «Ты, бояр, хорошее сердце имеешь, и оно понимает наше. Ты Сердар, и за тобой можно в огонь и в воду идти без страха». Потом попросил у меня зеленого чая и спросил чурек, но у меня его не было. Попробовал немного чаю и сказал:

– Это не настоящий зеленый чай, который любят туркмены! Это персидский поддельный, который готовят персы для того, чтобы его сбыть неопытным туркменам по дешевой цене.

– Бэ, бэ, Ага, какой это человек! Ведь он говорит – 25 лет тому назад покинул Ахал, а вкус чая, чурека, имена людей до сих пор помнит! – говорили джигиты, удивляясь такой памяти генерала Корнилова.

– Хаджи Ага, Уллу бояр едет! – прервал нашу беседу старый унтер-офицер 2-го эскадрона Гельди Мурат.

Я вышел из вагона. В саду моментально все зашевелилось. Бутылки вмиг исчезли со стола. Отрезвевший князь бегом помчался встречать генерала Корнилова, который, выйдя из автомобиля, крупными шагами быстро направился к своему вагону. Глаза его были опущены и лицо желтое, как лимон. На лету принимая приветствия от присутствующих здесь офицеров и холодно пронизывая их всех маленькими глазами, он вошел в свой вагон в сопровождении В.В. Голицына и какого-то кубанского казака, который, как я узнал потом, был Степаном Васильевичем Завойко.

– Почему, зачем приехал обратно генерал Корнилов? – спрашивали офицеры один другого.

– Смертная казнь... Временное правительство... генерал Черемисов... генерал Корнилов. Завтра... – долетали до меня отрывки фраз В.В. Голицына, стоявшего на площадке вагона и говорившего что-то окружавшим его офицерам.

Чтобы не быть назойливым, я, решительно ничего не понимая, отошел от толпы к своему вагону.

– Голубчик, корнет, вы меня извините, что я не прислал автомобилей, ибо, как вы сами видите, генерал возвратился обратно, – сказал Голицын, взяв меня за кушак халата и глядя упорно в мои глаза.

– Господин полковник, разрешите обратиться к вам с маленькой просьбой – сказал я, выслушав его. И, получив разрешение я, продолжал: – Прошу вас, господин полковник, ознакомить меня с событиями этих дней, чтобы я, будучи в курсе дела, мог познакомить, до некоторой степени, с положением дел и моих людей, ибо у нас, среди туркмен, принято сперва подчиненным ясно объяснить, а потом требовать исполнения задачи. Боюсь, чтобы джигиты в критическую минуту не сказали мне, что они не были подготовлены. Будучи же подготовлены и в курсе дела, они пойдут в огонь и воду по одному движению руки своего начальника.

– Спасибо за откровенность. В будущем прошу обращаться так же лично ко мне за разъяснением всего непонятого. Генералу Корнилову вы известны с хорошей стороны. Он очень расположен к вам. Он надеется, что туркмены все как один человек во главе с их начальником будут честно и преданно служить Родине и ему, как служили до сих пор. Дело в том, что генерал Корнилов послал Временному правительству раньше, да и теперь, некоторые требования и впредь до получения удовлетворительного ответа он не хочет ехать в ставку в Могилев на пост Верховного главнокомандующего. А требования эти следующие: 1) ответственность перед собственной совестью и всем народом, 2) полное невмешательство в его оперативные распоряжения, а поэтому и в назначение высшего командного состава, 3) распространение мер, принятых за последнее время на фронте и на все те места тыла, где расположены пополнения армии, 4) принятие его предложений, посланных по телеграфу в ставку прежде, а именно:

1) введение смертной казни в тылу, главным образом, для обуздания распущенных банд запасных, 2) восстановление дисциплинарной власти начальников, 3) ограничение круга деятельности войсковых комитетов и установление их ответственности, 4) воспрещение митингов, противогосударственной пропаганды и въезда на театр войны всяких делегаций и агитаторов.

Потом генерал Корнилов был обижен действиями Временного правительства, которое, после удовлетворения этих требований, без ведома Верховного назначило генерала Черемисова главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Генерал Корнилов послал опять запрос в Петроград и до получения ответа отказывается ехать в ставку. Вот причина нашего возвращения в поезд. Теперь вам все ясно? – закончил полковник Голицын.

Вернувшись в вагон и собрав всех джигитов, я подробно и толково рассказал им о том, что знал от полковника Голицына, а по окончании рассказа я вскользь сделал предложение – высказать каждому свое мнение. Все опустили головы. Наступило молчание. Я снял папаху и расположился за гёок-чаем.

– Я не понимаю, Ага, что это за Временное правительство, которое желает иметь дезертиров на своей стороне. Эти дезертиры-звери, возвратившись в Россию, так же будут грабить и убивать невинных людей, как в Калуше. Один умный и честный человек находит средство оградить интересы граждан и благополучие родины, а этот Керэнски не желает принять это средство, которое может пригодиться для спасения того же чернолицаго Керэнски. Я думаю, Ага, если бы это Временное правительство могло видеть, что творилось в Калуше, то сразу согласилось бы подписать этот закон Уллу бояра! – сказал Халмухамед.

– Люди, не отличающие хорошее от дурного, – слепые, и во Временном правительстве сидят люди слепые и неразумные, и такие они потому, что, по моему, Ага, Аллах хочет послать урусам несчастье! – закончил Гельди, горячо приняв к сердцу мое объяснение о событиях.

На второй день мы также обедали в саду, но без генерала Корнилова, который обедал у себя в вагоне. Все сидевшие за столом были мрачны и неразговорчивы. Один только князь разговаривал со своим соседом вполголоса. Среди обедавших появилась новая фигура. Это был генерал Валуев. Почти в конце обеда меня вызвал Голицын, заявив, что меня просит командующий. Я, попросив разрешение у генерала Лобачевского, вышел из сада.

– Садитесь, – сказал генерал Корнилов, поздоровавшись и указывая стул, стоявший у окна вагона.

– Вы кто, хивинец-узбек или иомуд из Хивы? – был задан мне первый вопрос.

Получив ответ, генерал начал подробно расспрашивать меня, каким образом мне удалось в России окончить образование, так как в Хиве фанатизм развит сильнее, чем где-либо в других местах Средней Азии.

Я разъяснил ему вкратце, каких усилий и труда стоило мне мое образование. Заинтересованный моей жизнью, генерал Корнилов расспрашивал о Хиве, о народе и вскользь спросил, не скучно ли мне вдали от родных степей.

– Так точно, Ваше Высокопревосходительство, мне скучно без Хивы, но тоска по ней заслоняется тяжелой обстановкой, окружающей меня здесь.

– Да! – протянул генерал Корнилов, глядя подбородок и, быстро повернувшись к окну, начал смотреть в него, машинально крутя свой правый ус.

Когда он сказал это «да» с глубоким вздохом, то мне показалось, что он хотел сказать, что Россия погибнет, если правители ее не опомнятся сейчас. Наступила тишина. Генерал Корнилов опять заговорил:

– Вы сейчас с фронта и видели, что сделали «они» с армией. Превратили массу храбрейших русских воинов в стадо баранов. Вы понимаете, как это тяжело. Ясно, так дальше продолжаться не может, так как немцы не дремлют и они постараются использовать нашу революцию в свою пользу. Вам, наверно, известно мое требование к Временному правительству? Я жду ответа! Туркмен – хороший, послушный сын в руках хорошего отца. Вы, пожалуйста, держите их в руках и оградите от соприкосновения с товарищами, так как под видом товарищей часто попадают агитаторы – шпионы немцев, – говорил он, пронизывая меня своими глазами.

– Ваше Высокопревосходительство, разрешите доложить! – сказал я.

Генерал Корнилов, оторвавшись от окна, куда он повернулся, сосредоточенно смотрел на меня.

Я рассказал ему высказанное мне мнение моих джигитов после рассказа им моего разговора с полковником Голицыным.

– Вот видите, Владимир Васильевич, какой народ эти туркмены! А ведь этот народ мы называли диким степняком, а рассуждают вот как! Если бы наши солдаты поняли и рассуждали так, как эти (подбородком указал на меня) степняки, разве мы тратили бы дорогое время на разговоры с «ними»?!

Глубокий вздох. Опять «Да!», и он, повернувшись профилем в окно, глядел, опустив голову, на гуляющих офицеров. Когда он произносил «Да!», я внутри говорил себе:

«Да, ведь ты мой пророк, а я твой верующий ученик, и пришел я к тебе потому, что твоя душа притянула меня к тебе и я ее понял давно. Боль ее – боль моей души. Да будет отдана моя жизнь за тебя, если это угодно Всевышнему Аллаху».

Против воли на глазах моих выступили опять слезы. Это были слезы моей души, которую кололи звучавшие истиной слова пророка. Наступила тишина. Генерал Корнилов ушел в себя и погрузился в думы. Глаза его скользили с одного угла оконной рамы в другой. Не прошло и минуты, как, будто вспомнив о чем-то важном, он, быстро повернувшись, обратился к полковнику Голицыну.

– Владимир Васильевич, пожалуйста, позвоните и попросите еще чаю для Хана и меня, – и опять погрузился в свои думы.

Явившийся на зов солдат убрал недопитую мною чашку, чтобы принести еще чаю, но я, поблагодарив, категорически отказался.

– Ваше Высокопревосходительство, вы очень метко дали молодому корнету титул Хана, – обратился полковник Голицын к генералу Корнилову, сосредоточенно смотревшему в окно и, казалось, ничего не слышавшему.

Вдруг, как бы проснувшись и прищулив свои и без того маленькие глаза, генерал Корнилов спросил полковник Голицына:

– Вы, Владимир Васильевич, ко мне?

– Так точно, Ваше Высокопревосходительство, я сказал, что вы очень метко изволили удостоить молодого корнета титулом Хана! Дай Господи, в добрый час! – повторил полковник Голицын.

– Как же! Как же! Он у нас отныне будет – Хан! – ласково сказал генерал Корнилов, глядя на меня и, заметив мои слезы на совершенно спокойном лице, встал и, пожав мою руку обеими мягкими маленькими руками, сказал:

– Ничего, Хан! Будем с вами работать! Только бы побольше мне таких людей, как вы и ваши джигиты. Тогда мне ничего не страшно.

Еще что-то хотел он сказать, но в это время в дверь вагона кто-то постучался.

– Войдите! – сказал генерал Корнилов.

Вошел полковник генерального штаба с какой-то бумагой. Отпуская меня, генерал Корнилов крепко пожал руку. С этой минуты все окружающие стали меня называть Хан. Титул этот впоследствии был утвержден за мной и Асфендиаром Ханом Хивинским.

Выйдя от генерала Корнилова, я прямо направился к джигитам. По дороге мне вспомнились слова придворного хивинского поэта, сказавшего в своих стихах, написанных в мою честь во время моего приезда кадетом в Хиву: «Не удивляйся, если придут за тобой люди с приглашением занять Хивинский престол». Кроме того, мне вспомнились слова Ишана, сказавшего мне близость с великим человеком.

«Кто это “мы”, прапорщик?»

Было около пяти часов вечера, когда штабные в томительном ожидании ответа на посланное командующим условие Временному правительству нервно ходили взад и вперед, по запасным путям товарной станции, где стоял наш поезд со дня приезда в Бердичев, и, разбиваясь по группам, гадали, каков будет ответ.

– Кто, кто? – пронесся шепот. – Кто? Кто? – начали допытывать князя.

– Не знаю, кажется, прапорщик Филоненко! – отвечал князь, спеша навстречу идущей от паровоза в черной накидке фигуре.

Фигура эта то и дело улыбалась, кивая головой и бросая небрежные ответы на вопросы окружавших ее офицеров, желавших узнать, все ли обстоит благополучно. Это был комиссар Филоненко, приехавший от г. Керенского.

После часовой беседы он вышел от генерала Корнилова, красный и вспотевший, как после бани.

– Ну, что вы нам привезли нового и успокоительного? Как Петербург и г. Керенский? – засыпали его вопросами бывшие тут офицеры.

– Да ничего! Все благополучно! Но только видите ли что, генерал Корнилов что-то заартачился и не хочет «нам» уступить, – скороговоркой ответил Филоненко.

– То есть кому «нам», прапорщик? – пробасил один из гвардейцев, смеривши несчастного Филоненко с ног до головы холодным презрительным взглядом.

Тот, съежившись, как от холода, поспешно ответил:

– Временному правительству.

– Так что же – г. Керенский долго будет медлить? Расшевелите его и объясните ему, что время не терпит! – послышался чей-то нервный голос из группы.

– Да-с, видите ли что... Я сейчас буду вызывать Александра Федоровича к аппарату, – лепетал Филоненко, поспешно удирая в свой автомобиль.

Наконец, после четырех мучительных дней ожидания, генерал Корнилов уехал в город, и все сразу успокоилось, узнав, что он принял пост Верховного и что, таким образом, всякая торговля и разговорчики Временного правительства окончены.

Не прошло и часу после отъезда генерала Корнилова в город, как за нами прибыло три автомобиля: два из них легковых, а третий грузовик для вещей. Быстро попрощавшись со всеми штабными, я со своими джигитами отправился в город, где нам была приготовлена квартира рядом с квартирой Верховного. Не успел я поставить своих часовых, как полковник Голицын передал мне приказание Верховного явиться в столовую.

Когда я и полковник Голицын вошли в столовую, генерала Корнилова там еще не было. Полуоткрытая дверь кабинета позволяла видеть его полусогнутую маленькую фигуру над картой и рядом с ним бравого красивого генерала, оказавшегося впоследствии его начальником штаба – генералом Николаем Николаевичем Духониным. Не прошло и пяти минут после нашего появления в столовой, как дверь кабинета открылась и генерал Корнилов в сопровождении генерала Духонина вошел в столовую. В этот день, как я узнал после, генерал Корнилов сдавал свой пост командующего армией генералу Духонину, ибо принял назначение на пост Верховного.

– Позвольте, Николай Николаевич, вам представить Хана, – сказал генерал Корнилов, представляя меня генералу Духонину.

Сели за стол. На обеде присутствовали следующие лица: генерал Корнилов, генерал Духонин, еще один генерал с двумя полковниками, фамилии которых я не помню, полковник Голицын, кажется, Василий Степанович Завойко и я.

Скромный и простой обед из трех блюд начался. На столе была единственная бутылка красного вина, к которой, за исключением полковника Голицына, пившего вино с водой, никто не прикасался. Во время обеда Верховный, как всегда, привлекал внимание всех своими интересными рассказами.

– Будьте добры, корнет, налейте мне воды, – обратился ко мне генерал Духонин, протягивая руку со стаканом к графину, стоявшему возле меня.

– Не обижайте Хана, Николай Николаевич! Ведь мы все его называем Ханом! – улыбаясь, заметил Верховный.

– Виноват, Лавр Георгиевич, я этого не знал! – ответил тенором смущенный Духонин.

– Как же, как же! – добавил генерал Корнилов, поправляя свою салфетку.

Генерал Корнилов в этот день был весел: говорил, смеялся, и вообще чувствовалось в нем приподнятое настроение. Обед очень скоро кончился, и генерал Корнилов с генералом Духониным скрылись за дверью кабинета. Я же отправился домой, где застал неожиданного гостя.

– Дорогой корнет! Ради Бога, приютите своего старого командира. Приехал представляться генералу Корнилову, да не найдя ночлега, благодаря переполнению гостиниц в городе, бродил по улицам. К счастью, встретил джигита, который привел меня к вам. Как рад видеть вас здесь! Ведь все вы – мои сыновья. Без вас мне скучно. Вас всех я всегда ношу в своем сердце! – растроганно говорил старый отец полка – Зыков, целуя меня по-отцовски.

Я уступил свою комнату. Не успел я войти во двор и сделать несколько шагов, как встретил джигита, несущего шкуру барана, который был подарен Зыковым на плов его сыновьям, туркменам. Не прошло и часа, как плов был готов, и, отдохнувши после дороги, генерал Зыков сидел в кругу джигитов, оживленно беседуя и запивая плов гёок-чаем.

– Что же, после меня в атаку ходили? – расспрашивал старый командир.

– Нет, Ага, полковник Кюгельген не любит атаку, – отвечали туркмены.

Зыков хохотал.

Через три дня генерал Зыков, попрощавшись со своими джигитами как с родными, будучи сам растроган их гостеприимством и любовью к нему, уехал на фронт.

Встреча народного героя

Конец июля 1917 года.

Наконец, после восьмидневного пребывания в Бердичеве, Верховный решил ехать в Могилев для приема ставки. Прибыв на станцию и расставив часовых в поезде, я ждал приезда Верховного. По приказанию полковника Голицына я поставил двух туркмен на паровозе. Эти джигиты должны были сторожить машиниста, чтобы он не удрал.

Во время обеда лица у всех были веселые и разговоры были оживленные. В этот день центром внимания был сотрудник «Русского Слова» Лембич, смешивший публику своими веселыми рассказами о том, как он очень удачно морочил кому-то голову своими статьями. Генерал Корнилов много смеялся во время рассказов Лембича, и вообще можно было заметить подъем настроения у всех присутствующих.

Приближаемся к Могилеву. Поезд мчится, оставляя за собой столб пыли. Деревни и станционные здания мелькают перед нами, как на кинематографической ленте. Чем ближе мы подъезжаем к Могилеву, тем тяжелее становится у меня на душе. Предчувствие чего-то неприятного не давало мне покоя, несмотря на то, что все вокруг были радостно настроены. Паровоз загудел, извещая о последней станции перед Могилевом. Туркмены поспешно приводили себя в порядок, переодеваясь в новые халаты, пригоняя винтовки и ятаганы.

– Хан, Верховный приказал вам сопровождать его на вокзале во время смотра георгиевцам. Сейчас идите со мной в вагон Верховного, чтобы выйти с ним вместе на перрон вокзала, – торопил меня полковник Голицын.

Поезд остановился при звуках оркестра и при криках «ура!». Тысячная толпа засыпала генерала Корнилова цветами, как только он показался на площадке своего вагона.

– Да здравствует народный герой! Да здравствует Верховный главнокомандующий генерал Корнилов!

Верховный, спокойно приняв рапорт от почетного караула георгиевцев, обошел их, а затем, пропустив мимо себя церемониальным маршем, рассекая толстую стену из встречавших его людей, быстрыми шагами направился к своему автомобилю. Лицо у него в это время было очень строгое, серьезное. Я не уловил в нем чувства радости и довольства. Проводив Верховного до автомобиля, я с разрешения полковника Голицына возвратился к своим джигитам, чтобы снять их с постов и подготовиться к отъезду в полк.

Туркмены не могли прийти в себя от такой пышной встречи, устроенной Могилевом их Уллу бояру. Их поражало все: колоссальная толпа народа, масса цветов, могучие крики «ура», а особенно красота ружейных приемов георгиевцев.

Из толпы долетали отрывистые фразы.

– Ах, какие красавцы, ах, какие молодцы! Кто они такие?! Кавказцы?!

– Нет, это текинцы, туркмены! Конвой генерала Корнилова.

– Кто, чеченцы?

– Да нет, текинцы или туркмены, как их называют! Из Центральной Азии!

Джигитам предлагали папиросы, спички.

В этот момент я вспомнил слова конюха моего отца, старого Джавэра, который говорил: «Когда барин важный, то его собаке бросают кость, когда она за барином идет в гости!»

Проведя ночь на вокзале, я на другой день утром отправился в ставку. Пришел во дворец, в котором еще так недавно жил Ак-Падишах. Полукруглое двухэтажное и не очень большое здание ничем меня не поразило, так как я представлял его себе чем-то грандиозным. Я думал, что наша роль охраны с приездом в Могилев закончена, а потому, придя в Ставку, я просил полковника Голицына, чтобы он доложил Верховному, прося его разрешения возвратиться

в Каменец-Подольск для соединения с полком. Выслушав меня, полковник Голицын пошел к Верховному и, возвратившись, сказал следующее:

– Верховный приказал вам остаться при Ставке и нести внутреннюю охрану ее, предоставив внешнюю – георгиевцам.

На мой вопрос, почему георгиевцы назначаются на внешнюю, а мы на внутреннюю службу, и не обострит ли такое разделение службы отношений между ими и нами, полковник Голицын ответил, что он надеется на опытность в этом деле начальника охраны туркмен, который сумеет нести свою службу так, что ни о каком обострении отношений не будет и речи. Внешнюю охрану будут нести георгиевцы потому, что их не хочет обижать Верховный, а внутреннюю – мы, потому что Верховный больше доверяет нам, туркменам, и хочет, чтобы мы всегда были ближе к нему. А сейчас им, полковником, будет приказано перевезти моих людей с вокзала в Ставку, и по их прибытии он сам укажет, где поместиться мне с ними.

– Текинский полк тоже придет сюда через несколько дней! – закончил полковник Голицын.

После этого я, отправившись на вокзал, привез своих людей. Полковник Голицын лично представил меня коменданту Ставки полковнику Квашнину-Самарину и просил его быть мне полезным и в дальнейшем, оказывая свое содействие, если я в чем-нибудь буду нуждаться. Комендант тотчас же предоставил нам одну большую комнату в здании дежурного генерала ставки. Сейчас же раздобыли солому и стружки и, покрыв ими деревянный пол, джигиты разостлали по ним кто шинель, кто бурку и устроились хорошо. В отведенной нам комнате, как я узнал потом, Царь прощался со Ставкой, покидая ее после своего отречения.

Не прошло и получаса после приезда туркмен в Ставку, как прибежал ординарец с приказанием немедленно мне явиться к полковнику Голицыну.

– Хан, голубчик, во-первых, Верховный приказал, чтобы вы впредь обедали с ним, а во-вторых, сейчас же расставьте своих людей на посты во дворец, где вы сами найдете нужным. Не хочу вам указывать, так как я вполне уверен, что вы отлично знаете свои обязанности, – сказал мне полковник Голицын, когда я явился к нему.

Поблагодарив полковника Голицына за его доверие ко мне, я ушел. обстоятельно объяснив туркменам о внимании и доверии к ним со стороны Верховного и об их роли, я привел их во дворец и расставил их на посты в следующем порядке: в саду – пять человек, около приемной комнаты в нижнем этаже – парных часовых, на верхнем этаже перед дверью приемной комнаты Верховного – парных часовых. Притом на обязанности часовых, которые находились в нижнем этаже, лежало бдительно следить за каждым движением георгиевцев. Мой помощник, старший унтер-офицер, должен был постоянно находиться здесь же, а я – в дежурной комнате. В ночное время число джигитов в саду, а также и на верхнем этаже между кухней и столовой Верховного увеличивалось вдвое.

С этой-то минуты и началась тяжелая, ответственная работа. Тяжела она была вот почему. После месячной фронтовой жизни, внезапно очутившись со мной у Великого бояра, туркмены, не получая необходимого отдыха, несли все время, денно и нощно, бдительную охранную службу. Спали мало, будучи все время начеку, часто не раздеваясь по трое, по четверо суток, и ели плохо, ибо туркмены не хотели питаться из общего котла приготовленной солдатской рукой пищей, в уверенности, что в ней варится и свинина, до которой русские были большие охотники. Питаясь консервами, геок-чаем и хлебом, очень редко покупая мясо в складчину, они готовили плов, если, конечно, позволяли обстоятельства и время. При внезапном отъезде из Каменец-Подольска ими было взято очень ограниченное количество белья, так что бедные им джигиты загрязнились и износились совсем. Всякое хорошее известие, приносимое мною, радовало их, и можно было заметить повышение настроения, а худое волновало одинаково, как и меня, заставляя переживать и их нелегкие минуты. Все это в общей сложно-

сти нервировало их всех. Эту нервозность, однако, никто из них не высказывал в какой бы то ни было форме, терпеливо продолжая нести свою службу Великому бояру.

Все мое внимание с минуты приезда в ставку было сосредоточено на двух задачах:

1. Приложить все мои усилия к тому, чтобы дать возможность джигитам приблизиться к Великому бояру и чтобы Великий бояр и туркмены узнали друг друга, что облегчило бы мне многое в будущем. Зная привязчивость туркмена к человеку, понимающему его душу, я ничуть не боялся и не сомневался в том, что Уллу бояр, постоянно встречаясь с ними в Ставке, заслужит своим вниманием, простотой, доступностью и беседами общую любовь, и туркмены сами полюбят его детской любовью, любовью кочевника, а от этого зависело все в будущем.

2. Приложить все усилия к устранению всякого трения, которое могло бы произойти между туркменами и георгиевцами.

– Держите себя с часовыми георгиевцами очень внимательно и вежливо, не забывая, что вы делаете это для того, чтобы не испортить и не причинить вреда той задаче, которая на нас возложена Уллу бояром. Будьте корректны с ними и не показывайте даже вида, что вам больше доверяет сам Уллу бояр, чем им, так как найдутся вредные люди, которые внесут разлад между нами, а тогда цель не будет достигнута и Уллу бояру придется работать не так спокойно.

Прогулка

На другой день приезда в ставку, в 3 ч. 50 мин. пополудни, полковник Голицын сообщил мне, что Верховный сейчас выйдет в сад для своей предобеденной десятиминутной прогулки и желает, чтобы я сопровождал его. Я сейчас же отправился в приемную и там встретился с Верховным, который, выйдя из кабинета и поздоровавшись со мной на лету, приказал мне следовать за ним одним словом: «Идемте!» и направился в сад. Я поспешил за ним, так как, несмотря на свой небольшой рост, он шагал неимоверно крупными шагами. Мы вышли в маленький, но прелестный сад, находившийся на высоком обрыве сказочно красивого Днепра. Перед нами был чарующий вид. У ног извивался змеей Днепр, неся на своих быстрых волнах пароходы, баржи и лодки. На противоположном берегу его видна была, как на ладони, деревня Луполово, а за ней гладкая степь с темной полосой леса на горизонте. Не замечая картину, бывшую перед его глазами, заложив руки назад, опустив голову и сосредоточенно думая о чем-то, Верховный быстрыми шагами ходил из аллеи в аллею. Я же, подобрав одной рукой ятаган, мешавший мне шагать, другой придерживая свою громадную папаху, которая благодаря слишком большим волосам все время слезала назад, задыхаясь от жары, почти бегал за Верховным. Я бы, наверно, очень быстро «выдохся», если бы, случайно обернувшись ко мне, Верховный не заметил несчастное выражение моего лица и не остановился, спросив меня:

– Что, Хан, жарковато, а?

– Не от холода же я так вспотел, Ваше Высокопревосходительство! – ответил я хохотавшему Верховному.

Заметив, что он утомляет меня своими крупными шагами, Верховный сократил их почти на поларшина.

– Почему, Хан, у туркмен такие большие папахи? – спросил он, увидя, что моя папаху причиняет мне беспокойство.

Я рассказал ему о трех причинах, заставивших туркмен иметь эти огромные папахи. Он серьезно слушал меня, но, услышав о третьей причине, громко расхохотался. В это время в сад вошел полковник Голицын пригласить Верховного к обеду и, увидев его хохочущим, заинтересовался о причине его смеха.

– Вероятно, Ваше Превосходительство, Хан вам рассказал что-нибудь интересное? – спросил Голицын.

Тот, отмахиваясь от него руками и задыхаясь от смеха, еле смог ответить:

– Да... да... сами спросите его... Я не могу! – и отправился в столовую.

Полковник Голицын, пожав плечами и глядя на меня большими глазами, последовал со мной за Верховным. В столовой мы застали всех стоящими у стола в ожидании Верховного.

– Моя жена, Хан! – представил меня Верховный покойной теперь Таисии Владимировне, а затем, представив меня генералу Лукомскому, обратился, смеясь, к сыну:

– Юрик, познакомься с Ханом. Это один из тех, которых ты боялся в дороге.

Мальчик подходил ко мне с опущенной головой и надутыми губами, как бы собираясь сейчас расплакаться, но все же произнес, здороваясь со мною:

– Я не боялся!

Верховный пригласил всех сесть. За обедом присутствовал в этот день начальник штаба Верховного генерал Лукомский, полковник Кислов, гвардейский полковник князь Гагарин, полковник Голицын, В.С. Завойко, прапорщик граф Шувалов и адъютанты: штаб-ротмистр Перепеловский, штаб-ротмистр Аркадий Павлович Корнилов и прапорщик Виктор Иванович Долинский. Скромный обед, получаемый из общей офицерской столовой ставки, прошел, по обыкновению, очень оживленно. Продолжался он очень недолго, и Верховный, не дождавшись сладкого и чая, удалился в свой кабинет, а за ним вскоре ушел и генерал Лукомский.

Как только Верховный ушел, сидевший напротив полковник Голицын обратился ко мне через стол:

– А ну-ка, Хан, расскажите, пожалуйста, теперь нам, что вы рассказали Верховному в саду.

Все присутствующие обернулись в нашу сторону. Я начал рассказывать:

– Верховный спросил меня, почему туркмены носят такие большие папахи, и я объяснил ему, что на это существуют три причины. Первая – каждая папаха имеет внутри войлок для поддержания корпуса ее. Этот войлок очень часто спасает голову владельца от сабельного удара. Вторая – в самые лютые морозы туркмену тепло в своей папахе, а в дороге она иногда заменяет подушку. Третья – у туркмен существует обычай очень рано выбирать себе невесту (с девяти, десяти лет). Выбрав невесту, жених ударяет ее своей папахой. Если она выдержит этот удар и не упадет, то годится как жена, если нет, то жених ищет другую.

Окружающие, услышав о третьей причине, которую я, кстати сказать, рассказал шутки ради, – хохотали.

Время не терпит

Начало августа 1917 года.

Как-то на одной из прогулок в саду дежурный офицер гвардейский полковник князь Гагарин доложил Верховному, что его желает видеть брат.

– Брат? – удивленно открыв глаза, спросил Верховный. Вы что-то не так поняли! Расспросите его как следует, – приказал Верховный князю.

Тот, быстро возвратившись, доложил, что расспросил как следует, «и все-таки оказывается, что он ваш брат, Ваше Высокопревосходительство».

Верховный, выслушав, произнес удивленно:

– Не может быть... Ничего не понимаю. Давайте-ка его сюда! – приказал он князю, уходя в гостиную.

– Лавр, брат, что ты не узнаешь меня? – потянулся было к нему пожилой казак одного из сибирских полков.

– Подожди! Пойдем... Поговорим с тобой! – сказал Верховный, уводя казака в кабинет.

Минут через пять оба брата вышли из кабинета. Верховный был желтый, как лимон, а у казака были влажные глаза – очевидно, он расплакался при виде брата. Представив всем присутствующим своего брата, Верховный сел за стол. За обедом брат сидел между Верховным и Таисией Владимировной и, не смущаясь присутствием столь многих высоких чинов, запросто ел хлеб Верховного, который тот брал для себя. Рассказывал о своем хозяйстве в Сибири и о том, как он, узнав в полку, что его брат Лавр назначен Верховным главнокомандующим, решил после долгих лет разлуки поехать погостить на недельку к нему.

Верховный, довольный присутствием брата, слушал его, посмеиваясь, и так же запросто расспрашивал о хозяйстве, доме в Сибири.

– Что же, в твоём полку много нежелающих воевать? – спросил он вдруг брата.

– Куда таперича война? – отвечал тот, громко хлебая суп из тарелки и, не обращая внимание на лежавшую перед ним салфетку, вытирал рыжие усы своей большой жилистой рукой.

Верховный, глядя в окно, глубоко вздыхал. Через два дня Верховный, отправляя своего брата на фронт, говорил ему:

– Поезжай, брат, на фронт. Время не терпит. Теперь каждый человек нам дорог.

Шли дни за днями. В ставке кипела работа. Бесперывно слышался стук телеграфных аппаратов и пишущих машинок, гул от разговоров приходивших и уходивших из Ставки лиц. Каждую секунду видны были фигуры, мелькающие из одного отделения в другое, офицеров генерального штаба в аксельбантах, с бумагами в руках, звеневших шпорами. Все лица сосредоточены и серьезны. Я часто встречал на лестнице, ведущей к Верховному, генерала Лукомского, завоевавшего нашу любовь своим простым и симпатичным отношением ко мне и к туркменам. Туркмены называли его Кзыл Юзли – Краснощекий бояр.

– Хан Ага, где наш Кзыл Юзли? Не болен ли? – спрашивали туркмены, если генерал Лукомский запаздывал на одну минуту с докладом к Верховному.

– Ну как, Хан, голубчик, живем? – спрашивал при каждой встрече генерал Лукомский, здороваясь со мной.

В одиннадцать часов начинался прием иностранных представителей. Здесь можно было видеть представителя Великобритании генерала Бартера в сопровождении полковника Эдверса, тощего француза генерала Жанена, карапузиков-японцев, итальянцев, румын и других. Лица всех сосредоточены и озабочены, кроме японцев, которые очень вежливо разговаривали и имели на лицах отпечаток веселости. Через минуту все они из приемной попадали в кабинет, дверь которого запиралась генералом Лукомским, и доклад начинался.

Таким образом, жизнь в Ставке шла своим чередом, а в это время с фронта приходили все более неприятные вести: немцы наступают и наступают, грозя взять Ригу, солдаты или митингуют, не желая воевать, или сдаются пачками в плен, или бегут по домам. Жители города относились к этим вестям безразлично, а Ставку эти вести волновали, и она нервничала. Недавно веселая жизнь как штабных чинов, так и прибывающих с фронта становилась все мрачнее и мрачнее. Чувствовалось приближение грозы. Петроград все торгуется. Время не терпит! На душе тяжело. Появившиеся в это время в городе ораторы-евреи открыто митинговали в городском театре, развращая и без того уже успевшего развратиться русского солдата и население сообщением, что война окончена и что долг каждого из нас ехать на фронт и звать домой бывших еще там товарищей.

В один из таких тревожных дней полковник Голицын приказал мне усилить внутреннюю охрану до двадцати пяти человек, так как до него дошли слухи, что местные солдаты-георгиевцы хотят напасть на Ставку. В маленькую комнату, находившуюся возле столовой, было помещено 15, а в саду была поставлена охрана из десяти человек. Туркмены, тоже поняв важность наступающего момента, говорили мне:

– Ай, Хан Ага, лицо у Кзыл Юзли бояра тоже пожелтело. Он тоже, как Уллу бояр, по ночам не спит.

Веселым и интересным беседам во время обедов пришел конец. Верховный за обедом почти не разговаривал и часто, не окончив свою еду, уходил в свой кабинет. Нервы у всех в ставке были натянуты, как струны, и казалось, что вот-вот приближается момент, когда струны оборвутся. В эти дни к Верховному приезжали командующие армиями, корпусами, дивизиями, о чем-то совещались с ним и, получив какие-то инструкции, возвращались обратно к себе. В начале августа за обедом можно было встретить генерала Деникина с генералом Марковым, генералов Юденича, Валуева и других. Но все-таки обеды проходили мрачно, и только иногда их оживлял своими интересными рассказами Алексей Феодорович Аладьин, приехавший от Временного правительства с профессором Яковлевым для переговоров с Верховным и оставшийся с ним впоследствии во все дни сидения в Быхове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.